

**Арте
факт
детектив**

Три кольца великой власти получил
обманом царь Ирод. Одно из них имело
форму зверька. Другое – колючей
веточки. Третье – потока живой воды.
Ирод поплатился за коварство и
растерял сокровища. Кольца до сих
пор ищут хозяина, принося смерть
временным владельцам...

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВА

Сокровища Ирода

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Сокровища Ирода

«Автор»

2009

Александрова Н. Н.

Сокровища Ирода / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2009 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-36540-1

Много веков назад царь Ирод Антипа силой отнял у слепого мудреца три кольца вечной власти. Перед смертью старец предупредил царя, что владелец волшебных сокровищ становится не только их повелителем, но и рабом, ибо всякая власть в то же время есть рабство. Ирод горько пожалел о бесчестном поступке. Впоследствии кольца растерялись по свету... Русские туристки Лариса и Марина покупают на память о Египте дешевые безделушки. Лариса выбирает колечко в форме потоков льющейся воды, и тут же возле нее появляется туземец, требующий что-то на чужом языке. Подругам удастся прогнать настырного попрошайку, но вскоре Ларису находят с ножом в сердце. Похоже, дни Марины тоже сочтены: убийца не знал, что Лариса отдала украшение приятельнице... Книга также издавалась под названием "Сумрачная душа".

ISBN 978-5-699-36540-1

© Александрова Н. Н., 2009

© Автор, 2009

Наталья Александрова

Сокровища Ирода

Первый раз этот город упомянут за пятнадцать веков до начала новой эры, за пятнадцать веков до того, как вблизи от него, в Вифлееме, в семье бедного плотника родился младенец, которому суждено было перевернуть мир. За пятнадцать веков до того, как пастухи и волхвы из далеких стран пошли вслед за звездой, чтобы поклониться этому младенцу, безымянный каменотес великого фараона Тутмоса высек на каменной скрижали:

«В день тридцатый от начала похода Фараон, Сын Неба, владыка обоих Египтов, своей могучей дланью сокрушил врагов и покорил под свою руку город Яффо».

Здесь побывали египтяне и греки, филистимляне и римляне, финикийцы и персы – и каждый из народов оставил на этой земле свой след. Десятки раз завоеватели разрушали город – но он возникал снова, на том же самом месте, возрождаясь, как Феникс из пепла. Существует легенда, что именно здесь патриарх Ной построил свой ковчег, в котором спас от Великого потопа всех живых существ, обитающих в мире, – «всякой твари по паре». И название свое город Яффо получил по имени одного из сыновей Ноя – Яфета, который после потопа заложил на этом месте свой город. Около этих берегов пророк Иона был проглочен китом. Именно здесь, в Яффо, находился в заточении святой Петр. А еще существует легенда, что неподалеку от этих мест была прикована к скале прекрасная Андромеда, спасенная Персеем.

В седьмом веке Яффо был захвачен арабами, в одиннадцатом здесь высадились закованные в броню крестоносцы. Сюда приплывали генуэзские корабли с христианскими воинами и паломниками, поэтому в тринадцатом веке султан Бейбарс разрушил порт, чтобы прекратить нашествия крестоносцев...

Теперь Яффо слился со своим молодым соседом Тель-Авивом в один город, утратив свое значение как порт. Сейчас это район богемы, район художников и артистов. На его узких улочках разместилось множество театров и художественных мастерских, туристских лавочек и небольших ресторанов.

А стоит немного отойти от моря, углубиться в лабиринт узких кривых улочек – и вы окажетесь в районе, где расположился старый блошинный рынок – Шук Пишпишим.

Это не рынок в европейском понимании, а город в городе, расплзшийся по дюжине улочек и переулков, переполненный крикливой разноязыкой толпой, пропахший пряностями и сандаловым деревом, кофе и корицей, оливковым маслом и куркумой, острой восточной кухней и старинными коврами.

Сюда эмигранты из разных концов планеты привезли семейные реликвии и ничего не стоящие безделушки и выложили их на прилавки бесчисленных лавчонок, чтобы продать таким же многочисленным, разноязыким и шумным туристам.

– Ну и ну! – протянула Нинель. – В жизни не видала столько старья! Барахло какое-то на улицу выставили и радуются!

– Что б ты понимала! – тут же вступила Натэлла. – Это не старье, а антиквариат! Люди за это большие деньги платят!

– За это? – Нинель сморщила нос. – Быть того не может, чтобы за такую ерунду, на помойке выкопанную, большие деньги платили! Или у них и от жары совсем крыша съехала!

Дамы разговаривали громко, стараясь перекричать ровный гул блошиного рынка, куда направились сегодня с утра с целью ознакомления. Они чудно погуляли по берегу моря, в парке Яффо полюбовались на розовогрудых горлинок и удода с хохолком, пообедали в маленьком ресторанчике на площади под часами, после чего неугомонная Натэлла потащила всех на блошинный рынок.

«Наверное, со стороны мы четверо смотримся очень забавно, – мимоходом подумала Марина, – хотя за этими двумя грациями нас с Ларисой и не видно...»

Тех двоих было много. Натэлла, коротко стриженная брюнетка, смуглая и крепко сбитая, всегда в чем-то открытом и ярком, громкоголосая и энергичная, а с ней – Нинель, подруга, обретенная здесь же, на отдыхе. Та была рыжая, белокожая и веснушчатая.

Натэлла предпочитала одежду красных цветов, от малинового до огненно-алого, сегодня на ней было платье с вырезом на спине, цвета революционной гвоздики.

Нинель, наоборот, белокожая и рыхлая, обгорает мгновенно, никакие кремы не помогают, поэтому от солнца закрывается, на ней ажурная белая шаль с кистями и соломенная шляпа с розовой лентой.

Натэлла жары не боится, бестрепетно подставляет солнцу и без того смуглую кожу.

– Это не солнце! – заявила она в первый же день по приезде, когда вся группа, слегка обалдев от синего теплого моря, яркого света и горячего песка, осторожно располагалась под полосатыми зонтиками. – Вот на Гоа было солнце! И здесь солнце в июле! А сейчас у них осень, вон, даже детей маленьких голышом водят...

После слякотного темного и унылого петербургского ноября, после неба, вечно затянутого свинцовыми тучами, то, что они видели вокруг, язык не поворачивался назвать осенью.

Две недели промелькнули незаметно, группа ездила на экскурсии, а свободное время каждый старался проводить, как ему хочется. Неугомонная Натэлла заставляла всех осматривать достопримечательности. Сегодня Марине не хотелось никуда идти. Ей хотелось сидеть под ярким полосатым тентом, опустив ноги в горячий песок, потягивая ледяную воду с лимоном, и глядеть на море.

На море никогда не бывает скучно. Волны набегают друг за другом, и каждая волна не похожа на предыдущие, как не похожи друг на друга два разных человека. Можно подойти к воде и поиграть с волнами в догонялки. Можно стоять по колено в теплой воде и рассматривать стайки мелких рыбешек, что шныряют мимо. Можно свободно плыть в упругой соленой воде, можно качаться на волнах, можно нырять... На теплом море можно делать все, что хочется, и никто не станет проявлять к тебе лишний интерес. На море не будешь выглядеть одинокой и неприкаянной, море всех приглубит и обласкает.

В первый раз в жизни Марина поехала отдыхать одна, потому что... потому что вспомнить о том, что случилось, ей сейчас совершенно не хотелось. «А придется!..» – вспомнила она фразу из известного анекдота и горько усмехнулась. И Лариса тут же почувствовала ее настроение, тихонько сжала руку повыше локтя и улыбнулась одними глазами – не горюй, мол, все наладится.

Оказалось, что в их туристической группе полно таких, как она, одиноких женщин, которые, кстати сказать, совершенно не считали себя одинокими. Одна Натэлла чего стоит – не женщина, а настоящая пожарная команда!

Молодой парень арабского вида, весь в черном, несмотря на жару, проскочил мимо, держа над головой маленький круглый столик черного дерева. На столешнице, выгоревшей и облупившейся, просматривался все же тщательно выписанный букет ирисов.

Эти улочки были заполнены самой разной старинной мебелью. Столы и столики, темного, светлого дерева, ореховые и палисандровые, крашенные и лакированные, кресла-качалки с облезлыми спинками, комоды с позеленевшими бронзовыми ручками и давно не выдвигающимися ящиками, сундуки, инкрустированные разными сортами дерева и перламутром, шкафчики и тумбочки немыслимых фасонов и даже древний умывальник на кривых ножках, с ящиками, когда-то расписанными цветами, и потрескавшейся фаянсовой раковиной.

– Смотри! – засмеялась Лариса. – «Как из маминой из спальни, кривоногий и хромой, выбегает умывальник и качает головой...» Совершеннейший Мойдодыр! У меня в детстве книжка была, там как раз такой нарисован...

Седой горбоносый араб, уловив ее интерес, тут же вынес на улицу большой фаянсовый кувшин, расписанный такими же цветами, как умывальник.

– Красивый... – протянула Лариса мечтательно, – даже в этих трещинах есть что-то... Набрать на даче охапку простых цветов и поставить где-нибудь в беседке...

– Бери! – предложила Марина. – Если поторговаться, он недорого отдаст! Говорили же нам в гостинице, что тут все можно за десять шекелей купить!

– Ты серьезно? – рассмеялась Лариса. – Да этот кувшин ни в какой чемодан не влезет, придется к самолету на веревочке привязывать или транспортный борт нанимать...

После мебели пошли зеркала – огромные, в деревянных или бронзовых рамах, и совсем крошечные, с серебряными ручками, в которых виден один лишь глаз. Затем попала пара настоящих магазинов с антиквариатом – фаянсовые напольные вазы, люстры, два китайских фарфоровых подсвечника в виде слонов. Хозяин был вальяжен и толст, на их четверку он даже не взглянул – понял, что не его клиенты.

А потом пошло что-то и вовсе несуразное.

На асфальте перед магазинчиком был выставлен деревянный индеец с трубкой и томагавком. Индеец был в натуральную величину и ярко раскрашен. Далее за индейцем шел американский шериф с огромным револьвером и серебряной звездой, потом две собаки непонятной породы, зебра, кудрявый мальчик в коротких штанишках с толстыми розовыми щеками, а в глубине магазина, на самой верхотуре, стояла деревянная статуя Мэрилин Монро в белом развевающемся платье, как в знаменитом кадре из фильма.

– Это-то откуда тут взялось? – громко удивилась Натэлла. – Какой китч!

– Не скажи. – Нинель оживилась, такое ей как раз нравилось.

Они надолго застряли у деревяшек, так что Марина с Ларисой решили считать себя свободными от их компании и свернули в один из боковых переулков.

Там продавалась всякая всячина. Медные кувшины с длинными носиками выстроились по росту, почерневшие от времени бронзовые лампы и подсвечники стояли прямо на земле, внутри магазина на стеллаже теснились шкатулочки из ракушек, джезвы гроздьями висели на гвоздиках – от огромной, в которой можно было сварить литр кофе, до крошечной, чуть больше наперстка.

Отдельный шкафчик был заполнен маленькими стеклянными колбочками и пузырьками, рядом притулились старинные аптекарские весы. Марина задержалась возле посуды – разномастные фарфоровые чашечки, позолоченные внутри, а снаружи на каждой своя тщательно выписанная миниатюра.

Лариса в это время вдохновляла себя на поступок.

У входа в лавку стояла большая медная чаша, заполненная мелочами. Чаша раньше, наверное, служила курительницей, а теперь ее приспособили под хранение мелкого товара. Там лежали погнутые и почерневшие серебряные ложки, какие-то фитюльки непонятного назначения, металлические пуговицы с гербами неизвестных стран, затупившиеся ножницы. Поблескивали гребешки, усыпанные разноцветными стразами, цепочки, бронзовые обереги на кожаных шнурках и бесчисленные кольца. Металлические и деревянные, из цельного нефрита, из кожи, из слоновой кости и даже сплетенные из волос.

Лариса глубоко вздохнула и отважно принялась рыться во всем этом хламе.

– Да зачем тебе это? – Марина брезгливо поморщилась. – Еще уколешься и подхватишь какую-нибудь заразу.

– Хочу выбрать что-нибудь забавное на память... Примета такая, ты же знаешь, чтобы еще раз сюда вернуться... – пропыхтела Лариса откуда-то снизу.

Марина пожала плечами и отошла. Примета так примета. Нужно взять какую-нибудь ерунду и идти отсюда скорее. От шума, от крикливых хозяев магазинчиков, от суеты и от яркого солнца перед глазами стояла розовая пелена.

В том самом шкафчике с аптечными склянками она увидела флакон темно-синего непрозрачного стекла с притертой пробкой. Марина осторожно взяла флакон в руки и стряхнула пыль. Пробка открылась с трудом. Марина поднесла флакон к носу, ожидая почувствовать запах тления или просто ничего, одну пыль.

Аромат был еле уловим, она не смогла бы его описать. Ноздри ее затрепетали, и в голове неожиданно прояснилось. Пелена с глаз спала, все предметы стали видны четко, как нарисованные черной тушью. На миг грязная, пыльная, заставленная хламом лавчонка показалась Марине пещерой Али-Бабы, а все выставленные вещи – волшебными сокровищами из восточных сказок. Вон там стоит лампа Аладдина, потрешь – и явится джинн, вон тот потертый ковер с причудливым орнаментом при надлежащем управлении может летать, а этот серебряный кинжал наверняка заговоренный...

Через несколько секунд она пришла в себя. Из флакона ничем не пахло, он был пуст уже лет двести, если не больше. По-прежнему ее окружали пыльные старые вещи, и хозяин дремал на скамье, проеденной жучками. В уши настойчиво лез гул огромного скопища людей, перед глазами мелькали красные мухи.

– Восток – дело тонкое... – пробормотала Марина и показала синий флакон хозяину. – Сколько?

Тот забормотала что-то, она покачала головой, тогда он написал на бумажке число 50.

– Пятьдесят шекелей? – подскочила Лариса. – Да вы с ума сошли! Маринка, не вздумай брать, это же грабеж среди бела дня!

Сама она протягивала хозяину сжатый кулак и смотрела так грозно, что он даже заслонился от нее руками. Лариса разжала ладонь, там лежало кольцо. Почерневшее от старости, самой обычной простой формы – довольно широкий ободок из металла. Хозяин очнулся от ступора и сказал, что кольцо стоит сто шекелей.

– Совсем озверел! – взбеленилась Лариса. – От жадности не лопнешь? Возьми себя в руки!

– Да зачем тебе это кольцо, пойдем отсюда, – вяло убеждала ее Марина, – только время теряем...

Лариска не слушала, она закусила удила. Торг шел успешно, вскоре хозяин снизил цену до пятидесяти.

– Десять! – надрывалась Лариса. – Десять шекелей и ни копейки больше!

Скорей всего, по-русски хозяин не понимал, впрочем, по этим торговцам никогда не поймешь. Во всяком случае, хозяин был прекрасным физиономистом, он видел, что кольцо Ларисе понравилось, а вторая туристка не боец, не стоит на нее и время тратить.

Лариса была злая, волосы растрепались, она поливала хозяина по-русски разными словами, кидала кольцо на столик и порывалась уходить. Но хитрый араб видел ее насквозь, он мотал головой и сбавлял цену крайне неохотно.

Марине это надоело.

– Вот что, – сказала она решительно, бросая на столик пятьдесят шекелей, – я ухожу. Жалко время на ругань тратить! Ведь последний день сегодня.

И хозяин мигом согласился на сделку. Марина за флакон жутко переплатила, так что он не остался внакладе.

Довольная Лариса тут же надела кольцо на палец – оно пришлась впору.

– Зря ты так, – сказала она, – тут нужно торговаться, иначе тебя уважать перестанут.

Марине вовсе не нужно было, чтобы здесь ее уважали. Откровенно говоря, и синий флакон был ей не нужен. Но воспоминание о непонятном аромате, спрятанном внутри, отчего-то будоражило душу. В конце концов, имеет она право на каприз? Черт с ними, с этими шекелями, все равно завтра домой...

От этого воспоминания настроение не улучшилось, захотелось вновь открыть синий флакон и вдохнуть едва заметный аромат. Но что-то удержало ее – нельзя слишком часто, а то выветрится.

– Пойдем отсюда! – решительно заявила Лариса.

Просто удивительно, как эта женщина умела понимать в ее мысли! Впрочем, это не так сложно, мама всегда говорила, что у нее, Марины, все написано на лице.

– Дорогая моя! – говорила мама хорошо поставленным голосом. – Если ты хочешь добиться успеха в жизни, ты должна научиться скрывать свои эмоции! Ну что ж такое, на экзамене ты выглядишь как последняя двоечница – мнешься, облизываешь губы, дергаешь себя за нос. Хорошо хоть ногти не грызешь! Ведь ты же прекрасно знаешь предмет! Но кто тебе поверит?

Далее те же слова повторялись по поводу успеха у мужчин.

– Что это такое, – сердилась мама, – ты краснеешь, бледнеешь, опускаешь глаза и заикаешься! И когда ты бываешь у него дома – будь же полюбезнее с его родителями!

– Они подумают, что я хочу за него замуж! – пыталась отшутиться Марина.

– А разве нет? – удивлялась мама.

Эти разговоры начались, когда Марина окончила институт, миновали все юношеские влюбленности и увлечения, и мама решила, что дочке пора, как она говорила, определиться.

Теперь уже речь не шла об успехе у мужчин вообще, мама конкретизировала свои указания по поводу каждого отдельно взятого индивидуума, который появлялся возле Марины.

Беда была в том, что мама все неправильно понимала, то есть выдавала желаемое за действительное, хотя сама про себя всегда утверждала, что она в жизни руководствуется исключительно здравым смыслом и ставит перед собой только реальные задачи.

Так, любой звонок сослуживца по пустяковому поводу рассматривался мамой как перспективное событие, а уж если Марина выбалтывала ей по глупости, что после корпоративной вечеринки ее подвез на такси парень, живущий в соседнем доме, то это был, по выражению мамы, неплохой вариант.

Мама хотела Марине только хорошего, это несомненно, а хорошее виделось ей исключительно в замужестве. Но с замужеством ничего не получалось. Были знакомства, легкий флирт, была пара-тройка романов – с замиранием сердца, с тревожным ожиданием телефонных звонков, с разговорами по тому же телефону едва ли не до утра, с торопливыми объятиями по чужим квартирам и дачам.

В общем, ничего серьезного, как с разочарованием каждый раз констатировала мама. Неизвестными путями она пронюхивала про очередной, как она говорила, вариант, хотя Бог свидетель, Марина давно уже решила ничего маме не рассказывать. Ни к чему хорошему это не приводило.

Не то чтобы она боялась сплести, просто ей до чертиков надоели мамины обсуждения каждой встречи со вкусом и подробностями. Мама обожала устраивать мизансцены – покажи, где ты стояла, да как он повернулся, да как посмотрел... А ответил на твой вопрос сразу или подумал... Да какая разница, сердилась Марина, сразу или не сразу, все ведь не запомнишь... Ты не права, твердо отвечала мама, все нюансы очень важны.

«Запомни, дочка, – говорила мама, – в отношениях между мужчиной и женщиной нет ничего мелкого, незначительного, нет ничего такого, чем можно было бы пренебречь! Нужно изучить своего избранника вдоль и поперек, нужно узнать его как облупленного, причем очень важно сделать это еще до свадьбы!»

«Да какая свадьба, – поначалу отмахивалась Марина, – ни о какой свадьбе речь не идет!»

«И напрасно! – припечатала тогда мама. – Годы идут, молодость не вечна. И ты это прекрасно знаешь! Женщины нашей семьи, к сожалению, рано стареют. В этом нет ничего ужас-

ного, просто нужно заранее подготовиться и держать руку на пульсе. Или, как говорят, не пускать процесс на самотек».

«Но как я могу узнать человека после нескольких встреч? – вяло отбивалась Марина. – Не могу же я вцепиться в него как клещ и выпрашивать, не было ли у него в родне алкоголиков и сумасшедших, это неприлично...»

«Тебе вовсе не нужно его выпрашивать, – мама строго хмурила брови, чтобы придать словам особенный вес, – ты просто должна внимательно его слушать. Изредка задавать навояющие вопросы. И наблюдать, неусыпно наблюдать. Иногда бывает очень полезно посмотреть, как человек ест – жадно, торопливо, чавкая и рассыпая еду, или же ковыряется в тарелке, безгласно морщась, как будто выискивая там зажаренного таракана...»

«И то и другое отвратительно!» – скривилась Марина.

«Неплохо характеризует человека его смех, – невозмутимо продолжала мама. – Бывает, мужчина ну всем хорош, а как засмеется – будто шакал залаял. Или вместо улыбки скалится, как дворняжка, у которой кость отбирают. В таком случае нужно очень хорошо подумать, прежде чем иметь с ним дело!»

Нет ничего удивительного, что Марине до смерти надоели такие разговоры. Тем более что по окончании беседы мама неизменно добавляла, что в Маринином положении особо выбирать не приходится и что, в конце концов, можно и поступиться некоторыми принципами и не обращать внимания на мелкие недостатки. Ну, подумаешь, неприятный у мужа смех. Так организуй семейную жизнь таким образом, чтобы ему было не до смеха, – вот и решение проблемы!

Главное, чтобы был приличный, солидный человек, твердо стоящий на ногах, способный обеспечить жену и позаботиться о своих будущих детях, вот уж это условие обязательно. А что касается внешности, то не зря испанцы придумали пословицу «Мужчина чуть красивее дьявола – уже красавец!».

Мама очень любила Испанию, ездила туда отдыхать и даже пошла на курсы интенсивного испанского, чтобы суметь объясниться с аборигенами в Андалусии и на Мальорке.

– О чем задумалась? – Лариса тронула подругу за руку. – Ты уже минут двадцать молчишь и по сторонам не смотришь...

– Устала что-то, – пожаловалась Марина, – давай пойдем к морю, там приятнее.

Лариса согласно кивнула головой, ни о чем не спрашивая, ей тоже надоели шум, жара и всепроникающая пыль блошиного рынка. Она провела платком по лицу, чтобы утереть пот, и мимоходом погляделась в пыльное зеркало в резной бронзовой раме, выставленное прямо на дороге. В зеркале отражались они двое, еще люди – ярко и легко одетые, в разных шляпах и с разным цветом кожи – крупные пышнотелые немки, смуглые, говорливые, бурно жестикулирующие итальянцы, японцы с маленькими непроницаемыми лицами, беспрерывно улыбающиеся американцы, русские – ошеломленные, уставшие от солнца и всего этого вавилонского столпотворения.

И вдруг...

В зеркале отразилась странная фигура, закутанная в белые восточные одежды. «Арафатка» в мелкую клеточку надвинута низко на лоб, виден только хищный нос, узкие, плотно сжатые губы и горящий глаз. Второй глаз закрыт черной повязкой.

Незнакомец в зеркале приближался, и Лариса повернулась, чтобы увидеть его воочию. Вблизи он был еще страшнее.

– Господи! – тихонько ахнула Марина и отступила назад. – Прямо как из сказок «Тысячи и одной ночи»!

Лариса тоже хотела отступить, но за ней было зеркало, а страшный незнакомец подошел к ней вплотную и схватил за плечо.

– Харкам Кумрат! – прокричал он, сверля ее лицо своим единственным горящим глазом. И не прокричал, а прокаркал, и плечо заболело, как будто не пальцы его сжимали, а когти хищной птицы.

– Отстань! – Лариса вырвала свою руку и пыталась оттолкнуть страшного человека. – Помогите!

Тут же подошли двое американцев – закричали, заахали, этим до всего всегда есть дело. Соотечественники, немолодая семейная пара, наоборот, шарахнулись в сторону. Хозяин лавчонки, чье зеркало, боязливо выглядывал из дверей.

– Мы ничего ему не сделали, – быстро заговорила Марина по-английски, стараясь удерживать американцев, – мы не понимаем, что ему нужно... Наверное, это сумасшедший...

– Да-да, – кивали американцы, – этот человек – наверняка сумасшедший...

– Харкам Кумрат! – сказал одноглазый более спокойно, сверкнул глазом, повернулся и вдруг исчез, растворился в толпе.

– Придурок! – прошипела Лариса, а Марина в это время горячо благодарила американцев, сама не понимая за что.

Те, надо сказать, приняли благодарность как должное и чинно удалились.

– Вот теперь нам точно пора уходить! – Марина повернулась к подруге.

Лариса была бледна, на лбу снова выступила испарина. Она не хотела признаваться, что одноглазый псих сильно ее напугал.

Быстрым шагом они миновали рынок, перешли площадь с часовой башней посредине, возле которой стояли многочисленные такси, и спустились к морю.

Это называлось променад. С одной стороны широкую аллею отгораживала каменная стена, с другой невысокие цветущие кусты лантаны. А дальше было море – с белыми барашками волн и парусами яхт.

От вида моря Марине сразу же стало легче, и недавний эпизод не казался уже таким неприятным.

– Ерунда все это! – Лариса тоже повеселела. – Выбрось из головы, забудь!

Лариска молодец, подумала Марина, не позволит испортить себе последний день отдыха. И собственную жизнь не позволит испортить никому – ни подруге, ни матери, ни какому-то рефлекслирующему ипохондрику с вечно потеющими руками.

От последней мысли Марина даже остановилась, настолько она была неожиданной. «Ты сердисься, Юпитер, – услышала она воочию негромкий, вкрадчивый голос Андрея, – следовательно, ты не прав...» У него на все случаи жизни были заготовлены подходящие латинские изречения, он был твердо уверен, что мудрости древних никто в истории не смог ничего противопоставить.

Еще он умел играть словами и в разговоре расставлять незаметные сети и ловушки, как опытный охотник расставляет свои капканы, заранее зная, что в них попадется и глупый заяц, и хитрая лиса.

Марина покачала головой, чтобы избавиться от назойливого вкрадчивого голоса в ушах. Сейчас не время для воспоминаний, она тоже не позволит испортить себе последний день отдыха!

Подруги спустились ниже и пошли вдоль моря. Берег здесь был высокий и обрывистый, на камнях сидели рыбаки с удочками, и рядом с каждым рыболовом восседал свой собственный кот, неподвижный и загадочный, как сфинкс. Коты приходили из приготовленного на слом здания ресторана, что находилось тут же, на берегу. Очевидно, стояло оно в полуразрушенном виде несколько лет, вот кошки и расплодились. Здесь вообще очень трепетно относились к кошкам – местное население кормило их и обязательно ставило везде мисочки с водой.

Сейчас коты блаженствовали – свежий воздух, море, ласковое ноябрьское солнышко и приятнейшая перспектива полакомиться свежей рыбкой.

Вот одному черно-белому хвостатому джентльмену повезло – рыбак бросил ему рыбешку, сверкнувшую в воздухе живым серебром. Кот подхватил ее на лету и скрылся в камнях.

Лариса засмеялась и прибавила шагу. Когда рыбаки скрылись и обрывистый берег кончился, она потянула Марину к летнему кафе почти на самом пляже.

– Выпьем холодненького!

– Лучше чаю, – предложила Марина.

Они уселись на ветерке на открытой террасе, и им тут же принесли чай, заваренный по местному обычаю, со свежей мятой. Зеленый листик мяты плавал в стакане.

– Хорошо! – Лариса потянулась и почесала за ухом полосатого откормленного котяру, который материализовался из воздуха и сидел теперь на каменном бордюре между ящиками с цветами с самым независимым видом.

– Что это у тебя? – Марина показала на левую руку, где было надето то самое, только что купленное кольцо.

Безымянный палец посинел и вздулся.

– Ну, надо же... – изумилась Лариса, – а вроде бы сначала наделось свободно...

С трудом, морщась и вздыхая, она сняла кольцо и слегка потерла его песком, который в изобилии долетал сюда с пляжа. Кольцо было уже не такое темное, а может быть, так казалось при ярком солнечном свете. Стал виден рисунок – как будто живые потоки воды омывали кольцо и струились дальше.

– Что там внутри, не вижу... – Лариса щурилась на солнце, вглядываясь в кольцо.

Марина взяла из ее рук кольцо. Внутренняя сторона была покрыта какими-то палочками и черточками.

Она сама не знала, для чего примерила кольцо. Оно оказалось впору, мягко охватило палец, не давя и не натирая.

– Знаешь что? – сказала Лариса. – Бери его себе, раз оно на тебя как раз. Будет тебе на память...

– Но как же...

– Да оставь ты! – Лариса замахала руками. – И слушать ничего не хочу!

Они посидели немного молча. Марина думала, что вряд ли они будут встречаться дома – все же разница в возрасте у них лет пятнадцать, у Ларисы есть муж и еще какая-то ответственная работа. Редко когда курортное знакомство перерастает во что-то большее. Ну, позвонят друг другу пару раз, с праздником поздравят, ну, в кафе сходят, поболтают об отпуске, да и все, конец знакомству. На следующий год появятся новые воспоминания и новые друзья.

– Спасибо тебе за все! – неожиданно для себя сказала Марина. – Ты сама не знаешь, как мне помогла.

Очевидно, Лариса знала – еще бы, ведь у Марины все всегда было написано на лице, так и мама говорила. Сейчас Лариса усмехнулась и махнула рукой – все, мол, пройдет, все забудется. Жизнь замечательная штука, когда есть здоровье и деньги, и не стоит самим себе эту жизнь усложнять.

Они едва успели принять душ и переодеться к последнему ужину. Самолет в Петербург улетал завтра поздним утром.

Дамская компания распалась. Лариса спустилась в холл гостиницы. Марина пожаловалась на головную боль и вернулась в номер, Нинель и Натэлла подхватили двух жизнелюбных харьковчан и отправились в ресторан на берегу, с улицы доносился разухабистый смех Натэллы. Ольга Васильевна, представительная и немного занудная дама, поговорила с портье и отправилась в аптеку за кремами и лосьонами с солями Мертвого моря.

Лариса не хотела впустую потратить свой последний вечер. Она вышла на улицу, вдохнула воздух, напоенный волнующими запахами моря и цветов. Из-за ограды соседнего дома свисали грозди глицинии и гибискуса. Гостиничный кот Васька пил воду из выставленного ему на крыльцо блюдца и настороженно посматривал по сторонам. Лариса неторопливо пошла по переулку, и через пять минут перед ней распахнулась перламутровая раковина моря. По дорожке вдоль берега ровной трусцой бежали спортивные смуглые старушки, ехали велосипедисты и юные парочки на роликовых коньках.

Поднявшись по широким ступеням, Лариса подошла к кафе «Панорама», устроилась за столиком на самом краю террасы, лицом к морю и к солнцу, плавно и стремительно скатываясь в светящийся перламутр.

К ней подошла, приветливо улыбаясь, немолодая коротко стриженная официантка. Лариса, мучительно вспоминая английские слова, заказала коктейль «Маргарита» – не замороженный и не фруктовый.

Официантка принесла конический бокал с колкими от кристалликов соли краями. Лариса поднесла бокал к губам, отпила терпкий и крепкий напиток и широко открыла глаза, любуясь закатом.

Солнце коснулось воды, и небо залили сполохи розового и зеленого, сиреневого и оранжевого.

Сколько миллионов раз люди любуются этим божественным спектаклем – и каждый раз он неповторим!..

Лариса маленькими глотками пила коктейль и свой последний вечер на этом прекрасном берегу... Как все-таки жаль уезжать!.. Хотя сегодня утром она поймала себя на мысли, что надоело отдыхать. Но это была минута слабости...

Последний краешек солнца мелькнул над водой – и исчез.

Она не спускала глаз с моря, все надеялась увидеть знаменитый зеленый луч, который иногда возникает в море в самый последний момент заката, – но и на этот раз не увидела его.

Едва солнце село, начало темнеть. Темнело так быстро, как это бывает только на юге. Казалось, на город вывернули огромное ведро чернил или надели, как на восточную женщину, непроницаемо-черную паранджу ночи.

С открытого балкона проникал в номер легкий ветерок с солоноватым запахом моря. В комнате было темно, Марина не хотела включать свет. Голова пульсировала болью, очевидно, она все же перегрелась сегодня на солнце.

В гостинице было тихо – все жильцы, как могли, развлекались перед отъездом. И только она, как всегда, не придумала ничего лучшего, как заболеть в последний вечер.

Марина тяжело вздохнула и заставила себя встать, чтобы умыться. От резкого движения в голове взорвалась небольшая такая граната-«лимонка», вроде тех, какими пользовались махновцы в Гражданскую войну. Марина даже вскрикнула от боли и по стеночке доплелась до ванной. Опершись на раковину, она поплескала в лицо холодной водой, а потом долго терла лицо жестким полотенцем, хотя мама строго-настрого запретила ей это делать – кожа высушится, будут морщины.

«Женщины нашей семьи рано стареют, тут уж ничего не поделаешь, – вздыхала мама, – помни, что получить морщины легко, а вот избавиться от них очень трудно. Во всяком случае, ты, с твоим характером, никогда этого не сумеешь».

Надо сказать, что сама мама весьма решительно боролась с признаками надвигающейся старости – делала по утрам зарядку, бесконечно наносила на лицо всевозможные маски и даже уговорила своего мужа купить велотренажер. Мама в отличие от Марины была цельной, решительной натурой. Раз и навсегда выработав для себя ряд принципов, мама следовала им неукоснительно.

Так, например, она поучала Марину, что в семейной жизни женщине полезно поменьше говорить и побольше слушать. Поэтому у них в доме всегда стояла тишина – Маринин отчим был чрезвычайно молчаливым человеком, а мама не могла и не хотела поступаться своими незыблемыми принципами.

Однако от природы мама была женщиной говорливой, так что всю нерастрченную энергию перенесла на воспитание дочери.

От холодной воды боль не то чтобы прошла, но Марине не казалось больше, что на плечах у нее вместо головы сосуд, наполненный кипящей смолой, как в аду. Она отняла полотенце от лица и попыталась поглядеть на себя в зеркало.

Ну что ж, примерно этого она и ожидала. Глаза опухшие и совсем больные, губы сложены в жалостную гримасу.

«Нужно уметь брать себя в руки! – говорила мама. – Нужно преодолевать плохое самочувствие и дурное настроение! Все твои недомогания исключительно от характера. Будь у тебя сила воли, ты не только выглядела, но и чувствовала бы себя лучше!»

Мама, конечно, права: это ее обычное состояние, но Марина не может переделать свой характер, где-то она читала, что это – навсегда, в генах заложено.

Вот ведь попробовала же она совершить поступок. Тогда, чуть больше двух недель назад, зашла в первое попавшееся турагентство и купила горящую путевку. Ей было все равно куда, хоть к черту на кулички, лишь бы уехать из города как можно быстрее. Оказалось – в Израиль, очень удобно, визы теперь не нужно.

И ведь помогло, в первое время действительно помогло, южное солнце выжгло всю боль, а свежий морской ветер выдул из души унижение и обиду. Так она думала до сегодняшнего дня. И вот, когда настал момент отъезда, оказалось, что ничего никуда не ушло. Или быстро вернулось. И теперь ей предстоит с этим жить. Долго, потому что воспоминания никуда не уйдут. И мама дома приступит к ней с расспросами и рано или поздно, но добьется своего. Она всегда добивается того, чего хочет. Особенно от Марины.

«Это мать во всем виновата, – с неожиданной злостью подумала Марина, – если бы она не дудела мне в уши свое бесконечное «Не прозевай, не упусти свой шанс, возраст – это очень серьезно...», ничего бы не случилось».

Она тут же усовестилась – в конце концов, она взрослая женщина и вполне может отвечать за свои поступки. Силой ее никто не заставлял сблизиться с Андреем.

Ужаснее всего, что они вместе работают. Хорошо хоть не в одной комнате сидят, но непременно будут встречаться в коридорах и возле кофейного автомата. А также за обедом в близлежащих кафе и бистро. Может быть, вообще не ходить на обед? Объявить сотрудникам, что она на строжайшей диете, в обеденное время сидеть за компьютером тихо как мышка и жевать листик салата, запивая его минеральной водой без газа... После всего, что они с Лариской съели за эти две недели, это будет только полезно...

Можно, конечно, но долго на такой еде не протянешь. Да это и не выход из положения, все равно встречи в коридорах и на совещаниях неизбежны. К тому же их офисные дамы наверняка уже в курсе последних событий и с нетерпением ждут Маринино возвращение, чтобы наблюдать, обсуждать и анализировать. Это их любимое занятие.

Снова она выбирает путь наименьшего сопротивления и пытается спрятать голову в песок, как глупый страус.

Марина осторожно повернулась всем телом, чтобы не тревожить многострадальную голову, и поплелась на кровать, прихватив по дороге вторую подушку.

Она долго ворочалась, пытаясь пристроить голову – чтобы не слишком низко, но и не очень высоко, а то не заснешь. Боль вела себя вполне прилично, она тихонько бродила внутри головы, изредка тыкая в висок острым клювом, как курица клюет позабытое зернышко или неосторожно высунувшегося жучка.

Сон не шел, в чем Марина несколько не сомневалась. Уж ей ли себя не знать! Дурацкий характер. Действительно, что может быть глупее – лежать в темноте и расковыривать собственные раны! И не то чтобы она любит этим заниматься, но вот никак не может заставить себя отвлечься хотя бы сегодня.

Проворочавшись несколько минут, она поняла, что от плохих мыслей избавиться не удастся, так что придется вспоминать все те события, что произошли с ней перед поездкой.

Собственно, ничего такого жуткого с ней не случилось. На нее не напали в подъезде, не разбили голову и не оставили валяться без сознания на грязном полу. У нее не украли документы, так что не пришлось просиживать долгое время в отделении милиции и слушать нудные нравоучения и замечания. На нее не наехала поздней ночью машина с пьяным водителем, который бросил бы ее, сбитую, в кювет и уехал. И маньяк с удавкой не набросился на нее в парке. И медсестра, беря анализ крови, не занесла никакую инфекцию. И даже начальник не вызвал в кабинет и не сообщил об увольнении.

Просто мама все время твердила, что годы идут и что двадцать девять лет – это уже предел. Предел чего, она не уточняла, а Марина не спрашивала, чтобы не вызвать на свою голову еще одну словесную лавину о том, что молодость не вечна, а женщины в их семье вообще рано стареют, и есть, конечно, дамы, которые и в шестьдесят лет успешно выходят замуж, но это не про Марину.

Если все время твердить человеку одно и то же, возможны два варианта. Либо он психанет, хлопнет дверью, устроит скандал, и дело может дойти до рукопашной. Либо же, получая информацию тихонько, по капле, человек понемногу привыкнет.

Андрей появился у них в офисе год назад, когда Марина уже настроилась на долгое женское одиночество. Нет, конечно, можно завести необременительную интрижку – познакомиться, к примеру, на отдыхе или перешерстить все старые связи, устроить внеочередной сбор одноклассников или бывших студентов их курса. Кто-нибудь обязательно окажется в данный момент свободным – ушел из семьи, поругался с подругой, любовница бросила, или просто осточертел быт, и захотелось чего-нибудь новенького. А ведь недаром говорится, что новое – это хорошо забытое старое, так что похорошевшие одноклассницы очень даже могут сгодиться для легкой интрижки.

Беда в том, что Марине никак не удавалось осознать, что вон тот крупный мужик с основательным животом и громким голосом – вполне взрослый самостоятельный мужчина, с которым можно проводить время. Она-то видела в нем Вовку Кислова, своего соседа по парте, – его до пятого класса дразнили Дюшесом, потому что был полненький и щеки румяные, как бочок у груши.

А Витька Андреев вечно норовил списать алгебру, а в благодарность принес однажды Марине ангорского хомяка. И подложил в портфель, чтобы сделать сюрприз... Да, сюрприз получился, Марина до сих пор вспоминает свой визг.

Так что старая дружба с одноклассниками никак не могла перейти в другую плоскость, Марина и не пыталась, все равно из этого ничего бы не получилось.

Оставались отпускные знакомства, либо же встречи на вечеринках и днях рождения подруг. Но надежда на то, что однажды рядом с ней за стол сядет интересный молодой мужчина, который обратит внимание на нее и, самое главное, который сумеет понравиться ей, Марине, таяла с каждым днем, как весенний снег.

Подруги были такие же, как она. А кто успел выскочить замуж, те берегли своих спутников жизни и незамужних подруг на дни рождения не приглашали. Или уже развелись и искали богатого любовника, таких на дне рождения подружки днем с фонарем не найти.

Марина не слишком отчаивалась. Вокруг полно было таких, как она, – вполне успешных, неглупых, образованных и привлекательных женщин. Но – одиноких. Ну, не нашли они себе

никого, зато построили свою жизнь, как хотели. А чтобы не приходиться в пустую квартиру, можно собачку завести. Или кошку.

Марина никогда не приходила в пустую квартиру, ее встречала мама. Вот если бы не мама, то вполне можно было бы оставить все как есть – ходить в театры и на выставки с такими же, как она, не обремененными семьей одинокими женщинами, один раз в год ездить на море, для здоровья, а второй раз – в Европу, для повышения культурного уровня, как говорил их шеф.

Но мамины нравоучения сделали свое дело, Марина чувствовала себя обойденной жизнью и закомплексованной.

Когда в их офисе появился Андрей, Марина не сразу обратила на него внимание. Он был худой и узкоплечий, в очках. Рост средний, голос тихий, взгляд ускользающий, одет скромно.

«Не мужик, а мямля какая-то! – подвела итог Ленка Соловьева, когда дамы обсудили нового сотрудника от всегда начищенных ботинок до слегка редящих волос на макушке. – Манная каша, овсяный кисель, запеканка творожная, омлет на кефире!»

Ленка имела плотную комплекцию, поскольку обожала вкусно покушать, и сравнения всегда приводила гастрономические. Однако высказывания ее были метки и энергичны, поэтому дамы с такой характеристикой не могли не согласиться.

– Машины и то нету! – поддержали Ленку сотрудницы, и Андрей был признан перспективным кандидатом.

Марина не принимала участия в этом обсуждении – шеф услали ее с каким-то поручением. К Андрею она относилась ровно и приветливо, как ко всем мужчинам их фирмы. У нее вообще был довольно сдержанный характер, тем более что мама твердила дочке, что на работе не стоит заводить никаких романов – потом могут быть серьезные осложнения. Правда, такое мама говорила давно, еще когда Марина после института устраивалась на работу. В последнее время мама таких предостережений не высказывала, наоборот, утверждала, что во имя великой цели принципами можно и поступиться.

Андрей при встрече вежливо кивал ей и улыбался мягкой, размытой улыбкой.

Так продолжалось до того случая, когда Марина налетела на него в коридоре. Она уронила папку с тремя экземплярами отчета, а у него слетели очки. Потом они с Андреем столкнулись лбами, когда она, страшно злая, собирала свои бумажки, и Марина очень близко увидела его глаза – с неправдоподобно большими зрачками. Он улыбнулся Марине немного смущенной улыбкой и сказал, что без очков совершенно беспомощен, в общем, слепой, как крот.

Она нашла очки на полу и сама надела их на него. За таким занятием и застала их Ленка Соловьева, которая, терзаемая голодом, выскочила на обед раньше других.

С того случая Марина стала очень внимательно наблюдать за собой, чтобы ни словом, ни взглядом не выдать коллегам своего отношения к Андрею.

Ох, уж эти коллеги! Хлебом их не корми, дай только попереживать за судьбу ближнего! Все-то они знают, обо всем-то они догадываются прежде наблюдаемых фигурантов, ничему-то они не удивляются. Всегда найдется какая-нибудь наблюдательная сотрудница из бухгалтерии или из отдела комплектации, которая, узнав про намечающуюся свадьбу или развод, стукнет себя кулаком в грудь и скажет: «А я что вам говорила?» И будет чувствовать себя героиней дня, хотя, если честно, ни черта она никому не говорила.

Марина не хотела, чтобы за спиной раздавались перешептыванья и заинтересованное шушуканье, чтобы коллеги умолкали, когда она входит в комнату, и с многозначительными улыбками звали ее к служебному телефону.

Однако Андрей понемногу очень прочно утвердился в ее мыслях и даже один раз приснился во сне. Она посмеивалась над собой – вроде не девочка, были у нее и романы, и встречи с мужчинами, один раз чуть замуж не вышла, но как-то не сложилось... И вроде бы настрои-

лась уже, что ничего серьезного в ее жизни больше не случится, а вот поди ж ты, сны разные романтические снятся! Смешно...

Она никому не рассказывала, что пару раз подстроила их с Андреем «случайные» встречи после работы. А потом они удрали с какой-то общей вечеринки, где Марина выпила и набралась храбрости попроситься к нему в гости. Он жил один, это в первую же неделю выведала вездесущая Ленка Соловьева.

Марина стеснялась признаваться себе, что у нее мало опыта в любви. С мамой такие вещи обсуждать не будешь, а подругам раскрывать душу не хотелось. Вроде бы и возраст давно уже подошел, а ее женское естество тихо дремало где-то в глубине души и не делало никаких попыток выбраться наружу. Она почти смирилась – ну, бывают женщины, холодные от природы, вот она одна из них. Но когда она встретит своего, настоящего, единственного мужчину – все изменится. И так хочется его встретить, хочется близости, и духовной, и физической, и детей хочется... Уже давно пора, говорила мама.

У них ничего не получилось в первый раз. Они лежали в полной темноте, Андрей бормотал что-то о тяжелом периоде в его жизни, о том, что он потерял близкого человека и с тех пор чувствует себя выжатым, как лимон, и нет у него больше никаких сил.

Это сейчас в памяти Марины слова получаются пустые и неверные, а Андрей тогда говорил страстно и убедительно.

Говорить он умел, речь его всегда была живая, выразительная и многообразная, Марине очень нравилось, что он почти не употребляет сленговых словечек, а также современных, перделанных из английского на русский лад, разговор его был несколько старомоден, но производил впечатление.

Дальше все развивалось непредсказуемо и стремительно. Для Марины было полной неожиданностью, что из скромной, весьма сдержанной молодой женщины она моментально превратилась в житейски мудрую и опытную особу.

Как она жалела его, такого потерянного и подавленного, как страстно хотела ему помочь! Как убеждала, что все, все у них получится, и они будут счастливы! Никто не помогал, в ней проснулись древние инстинкты, интуиция подсказала ей, как надо действовать.

Она окружила его своей заботой и лаской, так что он почувствовал себя полностью защищенным. Все это время она думала только о нем, о себе потом, потом, когда все наладится.

Она забросила себя и работу. Мама, которая вздумала поинтересоваться, куда это дочка уходит по вечерам и отчего даже часто не приходит ночевать, получила строгую отповедь. Марина ответила ей грубо, и мама так удивилась, что прекратила расспросы.

Марина была внимательна и терпелива, и вот прошло время, и ее усилия увенчались успехом.

Все было хорошо, он снова стал полноценным человеком, из глаз его исчезло выражение беспомощности, движения стали более порывистыми, походка увереннее, и их офисные дамы во главе с Ленкой Соловьевой тут же это заметили.

Марина только посмеивалась про себя, глядя на их неуклюжие попытки обратить на себя внимание. Андрей был ее человек, ее мужчина, только ее собственный и ничей больше, она думала, что их слишком многое связывает.

И как довольно скоро выяснилось, глубоко ошибалась.

Ей казалось, что настал момент подумать о себе. Ее огорчала собственная холодность. Если бы Андрей был чуточку поизобретательнее, более заботлив, более нежен... Но он такой чувствительный, такой ранимый, она боялась его обидеть.

Но все же решила, что настало время для серьезного разговора. Ведь нужно как-то определиться, они не могут постоянно держать свои отношения в тайне. Марине надоело скрываться, ей хотелось познакомить Андрея с родителями, было любопытно, что скажет мама, подвергнув его тщательной, всесторонней проверке. Хотя на самом деле это неважно, Марина

уже решила, что не станет слушать маму, ведь она вложила в Андрея частицу своей души. Между ними протянулась незримая нить, незримая, но очень прочная...

Жалкая идеалистка, как любила она витать в эмпиреях! Как быстро ее опустили на землю...

И ведь радовалась, когда Андрей, непривычно серьезный, пригласил ее к себе, сказав, что им нужно поговорить. Собственно, говорили-то они обычно много, но все о разных отвлеченных предметах, Андрей любил поговорить и умел это делать...

В тот вечер она пришла к нему в приподнятом настроении, она навоображала себе невесту что, а вдруг он наконец решил сделать ей предложение? Ну, если не жениться, то хотя бы жить вместе, это тоже какой-то шанс...

И вот свершилось, он долго собирался, смущался, протирал очки, отводил глаза и наконец заговорил.

Сейчас Марина представляет себе, какой глупый, наверное, у нее был тогда вид. Она начала слушать его с самым счастливым выражением лица, готовая вскочить, обнять и, что греха таить, – немножко поплакать с радостным облегчением. Если честно, она ужасно устала за последние несколько месяцев. Совершенно не в ее характере было бегать к мужчине тайком, она стеснялась внимательных старух, сидящих у подъезда, которые никогда не отвечали на ее приветствие, а соседку Андрея по площадке просто панически боялась, – та при встрече смотрела мрачно, как будто Марина украла у нее кошелек.

Понемногу Андрей воодушевился, и речь его стала, как обычно, гладкой, изобилующей остроумными эпитетами и точными сравнениями. Марина наконец стала вслушиваться, и удивление ее потихоньку уступало место отчаянию.

Суть выглядела так.

Андрей очень благодарен Марине за все, что она для него сделала. Он понимает, как с ним было непросто, да что там – по-настоящему тяжело, ведь, что ни говори, секс – это очень сложная область человеческих отношений, тут все важно – настроение, самочувствие, психологический настрой и многое, многое другое. Но он теперь все преодолел, благодаря ее терпению и заботе. И очень ей за это признателен, и запомнит их сотрудничество на всю жизнь.

Он так и сказал – сотрудничество, как будто они создали совместный проект плавательного бассейна или собачьей площадки.

И теперь, продолжал Андрей бодрым тоном, настал момент ему действовать самостоятельно.

«То есть как это?» – в самый последний момент Марине хватило силы воли не задать этот вопрос вслух.

Ведь он рассказывал Марине, что потерял совсем недавно близкого человека, эта женщина была для него всем. Они были знакомы с юности, любовь их проходила сложно, мучительно, с приливами и отливами, они расставались и встречались вновь, не в силах покинуть друг друга навсегда. Вот и последний разрыв так вымотал его, что он подумывал даже о самоубийстве. И тут появилась Марина и вернула его к жизни, за что он ей глубоко благодарен.

– Ты это уже говорил, – совершенно машинально вставила Марина.

На самом деле она думала о другом.

Все ясно, эта неземная любовь его бортанула, потому что он стал импотентом. Возиться с ним она не стала, только такие идиотки, как Марина, которым больше всех надо, кидаются на амбразуру, когда их в общем-то никто особенно и не просит.

В самом деле, с чего она взяла, что потеря близкого человека означает гибель этого человека, допустим, в автокатастрофе или смерть на больничной койке. Все гораздо проще – сначала он близкого человека потерял, а потом снова нашел. Как посмотреть.

Это на нее, Марину, как ни посмотри, все получается полная кретинка. И винить-то в общем некого – сама к нему пришла, сама стала с ним возиться. Ни о чем он ее не просил,

на словах не требовал ни заботы, ни любви. Разве он когда-нибудь говорил о продолжении их отношений? Разве строил планы? Разве хоть намекал, что Марина ему подходит, что он хотел бы, чтобы она была рядом с ним? И о любви у них ни слова не было сказано...

И не случайно он выбрал именно ее, Марину, и ей открыл свою интимную проблему. Не побоялся, что она ославит его на всю фирму, был в ней совершенно уверен. Он ее вычислил. Он видел ее насквозь, видел ее патологическую порядочность и готовность к самопожертвованию. И, разумеется, это было нетрудно, ведь у нее все написано на лице, как всегда утверждала мама.

Все эти мысли вихрем проносились в голове, в то время как на лице Марина из последних сил старалась сохранить отстраненное выражение. Теперь ее главной заботой было уйти отсюда поскорее, чтобы Андрей не видел, как ей плохо.

А он все говорил и говорил – красивым, уверенным голосом, плавно перекачивая слова, вставляя подходящие к случаю латинские изречения. Будь на ее месте другая, она бы устроила скандал, побила бы посуду, обозвала бы его по-всякому, чтобы латинские изречения застряли у него в глотке.

Будь на ее месте другая, тут же подумала Марина, она никогда не оказалась бы в такой идиотской ситуации. Не случайно Андрей выбрал именно ее.

– Я, пожалуй, пойду, – сказала она, выбежала в прихожую и поскорей схватила свое пальто, чтобы он не стал его подавать. Она бы этого просто не вынесла.

– Постой! – встрепенулся Андрей. – Я сейчас...

Она замешкалась, застегивая сапоги, да еще сумка куда-то запропастилась, и он вернулся в прихожую, протягивая ей пакет. Неужели решил вручить на прощание ценный подарок, как медсестре в благодарность за курс уколов или десять сеансов массажа?

Марина почувствовала, что силы ее на исходе. Но нет, в пакете оказались мелочи, что она натащила в его квартиру, – зубная щетка, расчески, прокладки, тюбик губной помады... Он все собрал, ничего не забыл.

Марине захотелось надеть пакет ему на голову. Она сказала, что он может выбросить все это ненужное барахло, и стремглав вылетела из квартиры. На площадке соседка мела пол возле двери Андрея, на Марину она поглядела с откровенным, ярко выраженным злорадством. Но какое имело значение, что думает о ней эта тетка? Сама Марина думала о себе гораздо хуже.

Ее предали, бросили, об нее просто равнодушно вытерли ноги, как о половую тряпку. А потом выбросили, как ту же более ненужную половую тряпку, как пустую смятую пивную банку из окна машины, как старый вытертый коврик из прихожей, как... как использованный презерватив. Использовали – и выбросили. И ничего удивительного – предмет-то одноразовый.

Вот и ее так же использовали. А потом выбросили. И все это с милой, чуть рассеянной улыбкой, мягким взглядом из-под очков и тихим вкрадчивым голосом.

Сейчас, в гостиничном номере, дойдя до этой кульминации в своих воспоминаниях, Марина не выдержала. Она застонала и резко села на кровати, надеясь таким способом вызвать боль в голове. И тогда эта физическая боль заглушит душевную. Собственно, душа не испытывала боли, душа ее там, внутри, корчилась от стыда и унижения.

Снова Марина вспомнила тот вечер, когда шла она от Андрея после их, с позволения сказать, разговора. Было так худо, что хотелось сделать что угодно, только чтобы не чувствовать этого стыда. Он выжигал ее изнутри, он грыз ее душу, он клевал ее печень, он отравлял ее кровь, как укусы кобры или гремучей змеи.

Мужчины в таких случаях заходят в первый попавшийся кабак и сидят там, пока не кончатся деньги. А наутро просыпаются в чужой постели и ничего не помнят.

Марина была девушка из хорошей семьи, так что о кабаке не могло быть и речи. О том, чтобы броситься под колеса первого встречного автомобиля – тоже, поскольку незачем устра-

ивать постороннему водителю такую подлость. Человек не виноват, он не сделал ей ничего плохого, и даже если сумеет оправдаться перед милицией, будет всю жизнь мучиться совестью.

Ноги сами принесли ее на набережную Невы, и быть бы беде, но пока она собиралась с духом, глядя в черную ледяную воду, Бог послал ей в помощь сомнительную личность самого непотребного вида.

Хмырь был сильно немолод, маленького роста, с пегими от седины, реденькими волосиками, аккуратно приклеенными к лысеющему лбу. Еще у него было лоснящееся на рукавах и карманах пальтишко и золотая коронка на переднем зубе. В руках хмырь держал отчего-то выбивалку для матрацев.

Он приблизился к Марине, переложил выбивалку в левую руку, а правой попытался обнять, при этом говорил что-то негромко и невнятно, к тому же вблизи стало слышно, что в животе у хмыря урчит, как в стиральной машине во время слива воды. Марина дернулась и наступила хмырю на ногу, потом ей стало смешно, она вырвала у него из рук выбивалку и бросила ее в воду. Та не пошла ко дну, а поплыла в залив.

Хмырь проводил выбивалку грустным взглядом и пожал плечами. Марина опомнилась и стремглав побежала наверх по ступенькам – к свету и людям.

Домой она вернулась почти в нормальном виде, так что мама ничего не заметила. А наутро перед работой заскочила в турфирму и взяла эту путевку.

Что бы там ни было дальше, а отдохнула она прекрасно. И сегодня следовало идти с Ларисой, а не сидеть тут и не жалеть себя. Но поздно, теперь она не заснет до утра, а утром встанет, страшная как смерть, и напугает своим видом туристов в аэропорту «Бен-Гурион».

Нет уж! Марина схватила со столика таблетки, что дала ей сердобольная Ольга Васильевна, – отличное израильское лекарство, легкое снотворное и от головной боли помогает, сунула в рот сразу две штуки и запила водой из-под крана. Она заснет и выбросит из головы все посторонние мысли!

Лариса расплатилась за коктейль, тепло попрощалась с официанткой, пообещала ей обязательно, всенепременно вернуться сюда на следующий год и медленно спустилась по ступенькам.

Слева вдоль всей береговой полосы загорелись гостеприимные огоньки открытых ресторанов. Ей не хотелось туда, совершенно не хотелось шума и суеты людных мест, и она повернула направо, туда, где днем суетились строительные рабочие, возводящие пристань для яхт и пляжные постройки.

Сейчас здесь было безлюдно и тихо, только море ритмично дышало за хлипким забором стройплощадки.

Становилось все темнее и темнее.

Лариса решила, что пройдет еще метров сто и повернет назад.

Позади нее послышались приближающиеся шаги.

Шаги были какие-то странные – одновременно неуверенные и настойчивые, если можно так сказать о шагах.

Невольно Лариса прибавила шаг. Теперь она жалела, что не пошла влево по пляжу – туда, где люди, свет, музыка.

Впрочем, она постаралась успокоить себя, вспомнив, что Израиль считается одной из самых безопасных стран мира...

Утешение это было довольно слабое, потому что шаги за спиной все быстрее приближались, догоняли ее...

«Глупость какая! – мысленно произнесла Лариса. – Что я попусту паникую! Наверное, это просто один из здешних спортивных стариков, любитель спортивной ходьбы и здорового образа жизни»!

Такие мысли ничуть ее не успокоили. Она пошла еще быстрее, чуть не перешла на бег – но ее преследователь не отставал.

О том, чтобы повернуть назад, Лариса уже не думала – ведь для этого ей пришлось бы встретиться лицом к лицу с тем человеком, который шел за ней по пятам...

Впереди, метрах в ста от нее, забор стройплощадки заканчивался. Там виднелось круглое застекленное здание кафе. Там были люди, свет, громкая музыка...

Только бы дойти до кафе!

Она уже задыхалась. По спине, под тонкой хлопчатой футболкой, стекали струйки липкого пота. Но кафе приближалось... до него осталось совсем немного...

И вдруг, когда она уже почти убедила себя, что все ее страхи не стоят выеденного яйца и что через час в гостинице она будет со смехом рассказывать о них своим спутникам, – вдруг на ее плечо легла тяжелая холодная рука.

Лариса едва не сомлела от пронзившего ее страха. Однако нельзя впадать в панику, нельзя терять самообладание!

Она шумно выдохнула, развернулась...

Хотя вокруг было темно, она разглядела закутанную в белое сутулую фигуру, светлый платок в мелкую клетку на голове и плечах, смуглое, дочерна высушенное солнцем пустыни лицо, черную пиратскую повязку на глазу.

Это был тот самый человек, который так напугал ее днем на блошином рынке.

– Что вам от меня нужно? – резко, отрывисто, неприязненно проговорила Лариса.

Точнее, она только хотела произнести эти слова резко и неприязненно, на деле они получились у нее жалкими и умоляющими.

Вот одноглазый ответил ей действительно резко, как будто закаркал вороной:

– Харкам Кумрат!

– Что? – недоуменно переспросила Лариса. – Вы говорите по-английски?

Она и сама-то по-английски говорила неважно, точнее – знала всего несколько обиходных фраз, но звук собственной речи и какие-то разумные слова хоть немного успокаивали ее, делали дикую и невозможную ситуацию хоть немного более разумной.

– Харкам Кумрат! – повторил одноглазый и затем разразился целым потоком непонятных, загадочных фраз на гортанном языке, больше напоминающем не человеческий язык, а скрип тележных колес и воронье карканье. И то и дело в его речи повторялись те же два слова – «Харкам Кумрат...»

– Ничего не понимаю! – Лариса от страха перешла к возмущению. Ей хотелось поставить на место этого восточного наглеца, который пугает по ночам одиноких женщин. – Оставь меня в покое, козел, иначе я позову полицию!

Видимо, последнее слово он все-таки понял, потому что разразился хриплой гортанной бранью.

Позвать на помощь? Но она всю жизнь больше всего боялась оказаться в глупом, смешном положении, боялась выглядеть в глазах посторонних людей трусихой и паникершей. Может быть, этот одноглазый – совершенно безобидный старик, может быть, он всего лишь хочет спросить у нее дорогу или просит несколько шекелей...

Единственный глаз незнакомца вспыхнул темным пламенем, прожег Ларису до глубины души. Нет, он не просит подаяния. Ему нужно что-то другое, совершенно другое.

Ларисе стало страшно, как никогда в жизни. Все остальные страхи и комплексы отошли на второй, третий, десятый план. Они стали совершенно несущественны, ничтожны.

Там, вдалеке, возле ночного кафе, показались двое. Они о чем-то спокойно разговаривали, один, кажется, засмеялся. Они жили нормальной, обыденной человеческой жизнью, в которой, несомненно, были свои печали и огорчения, но не имелось места бессмысленному

монологу на непонятном языке, похожем на скрип колес и воронье карканье, не было места одноглазому злодею в клетчатом платке, не было места этому дикому средневековому страху...

Лариса открыла рот, чтобы закричать, позвать тех людей...

Но одноглазый выдохнул ей в лицо еще какую-то хриплую нечленораздельную фразу, и из широкого рукава его одежды выскочило узкое кривое лезвие ножа, блеснув отсветом дальних огней. Лариса поперхнулась своим криком, отшатнулась, но было уже поздно – кривое лезвие вошло под левую грудь. В первое мгновение женщина даже не почувствовала боли, она ощутила только холод, неожиданный в этой теплой южной ночи...

Холод мгновенно сковал все ее тело от ступней ног до кончиков волос, она тихо, жалобно вскрикнула и повалилась на дорожку, вымощенную розовой плиткой...

Одноглазый подхватил ее, аккуратно опустил на дорожку, быстро и деловито ощупал пальцы рук, разочарованно вскрикнул, как ночная птица, торопливо обшарил одежду. Не найдя того, что искал, он выпрямился и разразился потоком ругательств на своем непонятном языке, покосился на двоих людей возле кафе, вытер нож, спрятал его в рукав и быстро зашагал прочь.

Мертвая женщина осталась одна в темноте, только море жалобно вздыхало за хлипким забором стройплощадки...

Пиршественный зал во дворце Ирода Антипы поражал своим величием. Два ряда колонн, увенчанных бронзовыми капителями, разделяли его на три части, как храм делится на три нефа. Поверху были устроены легкие ажурные галереи, опоясывающие зал. Вверху над этими галереями нависали темные своды, казавшиеся звездным небом из-за отражающихся в них огней.

Во всю длину зала были расставлены пиршественные столы, на которых, среди бронзовых светильников, озаряющих зал колеблющимся красноватым светом, стояли бесчисленные блюда с изысканными кушаньями, чаши и кувшины с тонкими напитками, возвышались груды спелого винограда и других фруктов, только сегодня доставленных во дворец.

Проворные рабы бесшумно сновали вокруг столов, разнося блюда и чаши, тарелки и кувшины с угощениями.

На высоком помосте в самой середине зала стояли три ложа из драгоценного ливанского дерева, отделанные слоновой костью, перламутром и золотом.

Среднее ложе предназначалось для самого Ирода, два других обыкновенно занимали почетные гости из числа римских сановников или высшие придворные царя. Но сегодня оба ложа рядом с царем пустовали – никто из знатных римлян не почтил его своим присутствием, а разделить трапезу со своими приближенными Ирод не пожелал.

Тетрарх был мрачен.

Он был облачен в тяжелую пурпурную мантию, густо затканную золотым шитьем, его борода была расчесана и напудрена порошком лазоревого цвета, как и волосы под драгоценной диадемой. Но лицо его было бледно от невеселых дум.

Ирод щелкнул пальцами, и слуга поднес ему блюдо с фаршированными дроздами. Царь недовольно поморщился – и на смену дроздам появилась тыква с медом, затем – нильский окунь с каперсами. Ирод вытер пальцы специально предназначенной для этого лепешкой и лениво протянул руку за оливками и миндалем.

Позади царского ложа, за тяжелым парчовым занавесом, заиграли музыканты.

На свободную площадку перед царским возвышением выбежали фракийские танцовщицы, стройные, как пальмы, и гибкие, как тростинки Кенарета. Они побежали по кругу, изгибая тонкие станы, подняв над головой смуглые руки и колыша ими, как прибрежные деревья колышат ветвями.

Царь еще больше помрачнел.

– Фануил! – проговорил он негромко, и тотчас из-за того же занавеса вышел старый и худой человек в простой полотняной одежде, с узким костистым лицом и глубоко посаженными умными глазами преданного пса.

– Фануил, – повторил царь, не повышая голоса, ибо он привык, что его слова слушают внимательно. – Ты видишь, старик, что я окружен всяческим богатством и роскошью, что каждое мое желание исполняется без промедления, что слово мое – закон для всей страны. Отчего же мне сегодня так страшно и одиноко? Отчего меня не радуют ни изысканные кушанья, ни божественные напитки, ни музыка, ни эти танцовщицы, прекрасные, как ангелы? Отчего меня не радует даже власть над жизнью и смертью моих подданных?

– Это оттого, великий государь, – отвечал старик без промедления и без смущения. – Это оттого, что есть границы твоей власти. Оттого, что есть власть гораздо больше твоей...

– Ты говоришь о Риме? Говоришь о власти императора? Но у меня с ним прекрасные отношения: я не лезу в его дела, он не лезет в мои. Конечно, я время от времени шлю ему дары и заверения в своей верности, но это мне ничуть не мешает...

– Нет, великий государь, я говорю не об этом. Я говорю о другой, высшей власти!

– Ты заговариваешься, старик! – одернул царь Фануила. – Какая власть может быть выше императорской?

– Не гневайся, великий государь! – Старик низко склонился перед царем, но, несмотря на это, в его облике, по мнению Ирода, было слишком много гордости и самомнения. – Не гневайся, владыка, но ты и сам знаешь, что ни ты, ни даже император не властен над временем и над стихиями, над жизнью и смертью...

– Я властен над жизнью и смертью подданных! – недовольно прикрикнул царь.

– Да, ты можешь казнить или помиловать, но можешь ли ты оживить того, кто уже умер? Можешь ли хоть на один день продлить собственную жизнь?

– И никто этого не может! – мрачно проговорил тетрарх. – Ты говоришь пустое, старик!

– Отчего же? – Фануил чуть отступил и понизил голос, словно дразня царя. – Ты же знаешь, как много могут священники...

– Пустое! – Тетрарх небрежным жестом отмахнулся. – Они не могут ничего, кроме разговоров! Взгляни на них – они стары и дряхлы, если бы они могли продлевать жизнь и возвращать молодость – неужели они не начали бы с самих себя?

– Пусть не наши священники, – не сдавался Фануил. – Есть ведь египтяне, жрецы Осириса и Ра, Ануписа и Птаха... есть служители Ваала, наконец, служители Молоха...

– Не говори мне об этих кровожадных чудовищах! – Царь поморщился. – Как-то я посетил их тайное богослужение... ничего, кроме мерзости! И никакой особенной власти над силами природы! Они пытались удивить меня жалкими фокусами!

– Тогда, государь, я могу сказать только одно: тебе следует узнать про великую тайну Харкам Кумрат!

– Что ты сказал? – переспросил Ирод, почувствовав внезапный озноб в жарком зале.

– Если великий государь позволит, я покажу ему человека, посвященного в древнюю тайну... – Произнося эти слова, Фануил низко склонился, но в этом поклоне по-прежнему не было истинного смирения, Ирод чувствовал своеволие хитрого старика, и в душе его шевельнулось недоверие. – Если государь велит, этой ночью я отведу его к тому человеку... это недалеко от города...

Ночью... Ирод кожей, печению почувствовал опасность. На его жизнь не раз уже покушались. Правда, Фануил до сих пор был верен ему, но всякая верность имеет свои границы и свою цену!

Может быть, Фануил сговорился с кем-то из влиятельных фарисеев? Может быть, его подкупила жена царя, Иродиада, которая вечно строит какие-то собственные козни?

А может... может быть, он действует по приказу римского наместника?

От этой мысли сердце Ирода мучительно сжалось.

– Я подумую, – проговорил тетрарх, и губы его капризно искривились. – Я подумую!

Он сделал легкий жест пальцами, и Фануил, низко кланяясь, удалился, а нумидийский прислужник поднес царю золотое блюдо с оливками и каперсами.

Пир продолжался своим чередом, но Ирод как бы не замечал происходящего, не чувствовал вкуса еды, не слышал музыки, не слышал льстивых речей придворных.

Он был далеко.

Наконец он махнул рукой, и двое чернокожих рабов помогли ему подняться с ложа.

– Веселитесь! – проговорил он негромко и зашагал по крытой галерее в глубину дворца.

Однако не успел он дойти до своих покоев, как из-под оплетенной вьющимися растениями арки показалась женская фигура в длинном пурпурном одеянии. Легким движением женщины откинула покрывало с лица, и царь узнал Иродиаду.

На царице не было ни драгоценных ожерелий, ни золотых серег. И большие темные глаза, и весь вид ее выражали озабоченность и волнение. За спиной Иродиады безмолвно стояла приближенная к ней чернокожая рабыня.

Бросив на жену холодный, неприязненный взгляд, Ирод хотел пройти мимо.

– Куда ты так спешишь, муж мой? – спросила царица, преграждая ему дорогу.

– Мне некогда, меня ждут важные дела! – резко бросил он, пытаясь обойти Иродиаду.

– Важные дела? – передразнила она мужа. – Какие же это важные дела? Ты проводишь свое время среди пиров и развлечений, а все важные дела остались на мою долю! Я подкупала приближенных императора Тиберия, я вскрывала письма сановников, я рассылала повсюду своих соглядатаев, переманивала на свою сторону доносчиков – и я добилась своего: император заключил в тюрьму твоего главного врага и соперника Агриппу!

– Слава Тиберию! – привычно проговорил Ирод.

– А ты – ты почувствовал хоть малую толику благодарности за все мои старания? – Иродиада подняла на него черные глаза, полные муки и обиды. – Ты забыл обо мне! Ради тебя я ничего не жалела! Я отреклась даже от собственной дочери!

– Я признателен тебе за все... – холодно процедил тетрарх.

– Это все, что ты можешь сказать? – Ноздри женщины трепетали, две черные косы извивались по ее плечам, как две ядовитые змеи. – Помнишь, как прежде мы часами беседовали с тобой? Помнишь, как проводили долгие вечера в садах, под неумолчное журчание фонтанов, среди арок из цветов? Помнишь, как мы любили друг друга на ложе из шкур леопарда?

– Это было давно... – Ирод опустил глаза, вздохнул. – Война и власть состарили меня... я уже не тот, что прежде...

– Все еще можно вернуть! – жарко выдохнула царица. – Все еще можно вернуть, если только ты захочешь!

Она отступила на шаг, оглядела царя горячим, нетерпимым взглядом и бросила неприязненно:

– Но ты не хочешь! Ты, кажется, забыл, из какого рода приходишь ты и из какого я!

– Моя семья ничуть не хуже твоей! – ответил тетрарх, невольно пряча глаза.

– Ты так считаешь? – Иродиада расхохоталась. – Ты прекрасно знаешь, что это не так! Ты знаешь, что мой род восходит к царю Давиду, что среди моих предков были цари и первосвященники, а твой дед был простым храмовым прислужником! Другие твои родичи были нищими пастухами из Идумеи, простыми разбойниками, они водили в пустыне караваны и издавна платили дань Иудее! Пусть бы так, я готова смириться – но ты, ты равнодушен

ко мне, ты равнодушен даже к собственной власти, ты во всем уступаешь предателям и фарисеям, ты терпишь, когда они поносят меня перед народом...

– Я должен учитывать настроения толпы! – пытался оправдываться тетрарх. – Я не хочу допустить нового восстания! Оно слишком дорого мне обойдется! Ты знаешь, что император мне не простит, если снова прольется кровь...

– А она прольется! – мстительно прошипела Иродиада. – Ты слышал, что в Галилее появился новый пророк? Его зовут, кажется, Иисус из Назарета, и народ слушает его речи, широко открыв глаза от восторга! Его называют мессией!

– У нас в стране каждый день появляется новый пророк! – отмахнулся царь. – Пророков больше, чем пастухов и землепашцев! Если на каждого обращать внимание, некогда будет жить! Мне нет дела до ярмарочных шарлатанов и предсказателей!

– Трус! Трус! – бросала царица в его лицо.

Наконец Ирод смог стряхнуть оцепенение, оттолкнул царицу и быстро зашагал к своим покоям.

Он уже подходил к своей опочивальне, как вдруг из сада метнулась сутулая фигура в поношенной льняной одежде. Телохранитель царя, рослый перс с выбритой наголо головой и рыжей бородой, завитой мелкими кольцами, схватил меч и шагнул навстречу незнакомцу, но Ирод поднял руку и выдохнул:

– Подожди!

Неизвестный был из секты ессеев – босой, в белом одеянии, с бледным узким лицом.

Ессеи были известны своей кротостью и никогда не выступали против царя. Они ограничивались проповедью бедности и добродетели, за что пользовались уважением среди бедняков.

– Выслушай меня, государь! – воскликнул ессей, касаясь лбом каменных плит.

– Говори, – позволил Ирод, едва заметно поморщившись: от просителя пахло бедностью, а этого запаха тетрарх не переносил. – Говори, только покороче.

– Ты знаешь, государь, что мы, ессеи, никогда не бунтовали против власти... мы считаем, что всякая власть от Бога, и почитаем властителей...

– Знаю, знаю... – недовольно процедил тетрарх. – Но я просил тебя быть кратким.

– Я буду краток... Ты знаешь, государь, что в Галилее появился новый пророк, которого зовут Иисус... Иисус из Назарета...

– Я слышал!.. – Ирод почувствовал нарастающее раздражение.

Не иначе как этого ессея подослала к нему Иродиада, чтобы заставить его прислушаться к ее словам...

– Государь! – Ессей поднял на царя глаза, и Ирод невольно попятился: столько фанатизма, столько слепой веры было в этом взгляде. – Государь! Иисус – мессия! Подлинный мессия! Спаситель, которого так давно ждет народ!

– Ты лжешь, ессей! – неприязненно проговорил царь. – Убирайся прочь!..

– Нет, государь, это правда!

Ессей начал подниматься с колен, глаза его пылали.

– Я слышал проповедь Иисуса, и я не сомневаюсь – он – Мессия, Спаситель! Государь, смипись перед высшей властью! Передай свою корону Иисусу – и имя твое будет благословенно в веках!

– Кто тебя подкупил? – прошипел Ирод, отступая перед пламенным взглядом фанатика. – Иродиада?

Телохранитель царя выступил вперед, вопросительно взглянул, взялся за рукоять меча.

– Меня никто не подкупал! – воскликнул ессей и снова смиренно опустил глаза. – Веру нельзя купить, как нельзя купить солнце и луну, рассвет или полночь.

– Точно, это она тебя подкупила! Я узнаю ее слова! Это она вложила их в твои уста!

– Я никогда не встречал царицу, а слова в мои уста вложил Всевышний...

– Убирайся прочь, ессей! – жестко произнес Ирод. – Убирайся прочь из моего дворца, если не хочешь сегодня же умереть страшной и позорной смертью!

– Я уйду, – покорно проговорил ессей и склонил голову. – Но запомни мои слова, государь: если ты не одумаешься, если не смиришься перед высшей властью, тебя будут помнить долго, твое имя сохранится в веках, но вспоминать тебя будут с ненавистью, и имя твое будет покрыто позором!

– Выживйрни его прочь! – бросил Ирод телохранителю. – И скажи стражам, чтобы его никогда больше не пускали во дворец. Тот, кто ослушается этого приказа, будет казнен.

Телохранитель мощной рукой схватил ессея за ворот льняной хламиды, поволок его к воротам.

Ирод смотрел вслед фанатику и зло бормотал:

– Высшая власть! Выше моей власти только власть Рима, власть императора Тиберия, а там у меня хорошая репутация... гнусные, отвратительные люди! Мерзкие фанатики!

Марина проснулась оттого, что сильно колотилось сердце. Она села на кровати и нащарила на тумбочке часы. Было без четверти четыре, за окном – полная темнота. Ночная сорочка была мокра от пота – в номере стояла душная жара, из окна уже не тянуло свежестью.

Марина закрыла окно и включила кондиционер. И только тогда заметила, что кровать Ларисы пуста. Пуста и аккуратно заправлена еще горничной с утра.

Лариска не пришла ночевать... В затуманенной снотворным голове мысли бродили лениво, как крупные рыбы в аквариуме. Ну что ж, стало быть, нашла себе компанию на ночь. Такого за ней раньше не водилось – не потому что где-то там дома, в России, ждет ее муж. Кого останавливает наличие мужа где-то далеко?

Марина не успела удивиться своему цинизму, она поняла, что злится. Злится на всех и прежде всего на себя, такую никчемную, несчастную и неприкайную. Все, как говорила мама, при деле, только она не нашла ничего лучше в последнюю ночь, чем мучиться бессонницей и головной болью.

Кстати, голова больше не болела. Была тяжелая, какая-то неудобная, как будто чужая, не со своего плеча. Марина усмехнулась в темноте. От прохлады кондиционера сердце перестало колотиться, дыхание выровнялось.

«Черт с ними со всеми, – подумала Марина, засыпая, – мне нет до них никакого дела...»

И тут же подскочила от сильного стука в дверь. Сквозь занавески просвечивал яркий солнечный луч.

«Проспала! – мысль молнией вспыхнула в мозгу. – Проспала и опоздала на самолет!»

Стук в дверь повторился, затем в замке заскрежетал ключ, и дверь распахнулась. Комната наполнилась людьми: здесь была испуганная горничная – та, что открыла дверь, их групповод Алла – бледная, с дрожащими губами, и двое мужчин, один молодой, в джинсовом костюме, второй постарше, в кипе и белой рубашке, из-под которой по религиозному обычаю высывался талес.

Увидев такую толпу, Марина окаменела, машинально прикрываясь простыней. Мужчина помоложе отодвинул горничную и подошел к кровати Ларисы. Быстро осмотрел ее, ни к чему не прикасаясь, а старший в это время вытащил из шкафа почти собранный чемодан.

– Что... что они делают? – севшим от страха голосом пробормотала Марина, ища взгляд Аллы.

Та отвела глаза и махнула рукой. Марина заметила, что в коридоре толпятся соседи – вон Натэлла, непривычно серьезная, в огненно-красном шелковом халате, Ольга Васильевна – даже по утреннему времени она была аккуратно причесана и одета уже по-дорожному, еще кто-то.

Мужчина в кипе спросил что-то строго на иврите, и Алла тотчас указала ему на тумбочку. По тому, как мужчина профессионально быстро пролистал найденные там документы, Марина

поняла, что эти двое – полицейские. Что за черт? Лариска влипла в какую-нибудь скверную историю?

Молодой полицейский вежливо, но твердо выпроводил из номера горничную и закрыл дверь перед носом любопытствующих, после чего повернулся к Марине и подал ей сумочку.

Она стала торопливо рыться в ней, выискивая паспорт, простыня все время падала вниз, ей было ужасно стыдно за свою старенькую ночную сорочку. Это мама уговорила ее взять простую, ситцевую, мотивируя это тем, что в шелковой пижаме будет жарко, а трикотажная занимает много места в чемодане.

– Сокольская Марина Дмитриевна, – прочитал полицейский, по-русски он говорил почти без акцента. – Когда вы видели свою соседку в последний раз?

– Да может мне кто-нибудь сказать, наконец, что случилось? – закричала Марина, до дрожи испугавшись этого «в последний раз».

Тот, в кипе, бросил что-то резкое, отрывистое, Марина испугалась еще больше и ответила упавшим голосом, что рассталась с Ларисой вчера вечером, сразу после ужина. Кажется, Лариса собиралась прогуляться по берегу.

– Ночью она не приходила? – сухо спросил джинсовый костюм.

– Нет, никто меня не будил. Алла, да скажите же, наконец, что с ней! – взмолилась Марина.

Алла всхлипнула и закрыла лицо полотенцем.

– Ее убили ночью на берегу, – сказал полицейский, – утром рабочие пошли на стройплощадку и нашли труп.

Марина удивилась, что известие не шарахнуло ее как молотом по голове. Не то она в глубине души ожидала чего-то подобного от визита полицейских, не то голова после снотворного ничего плохого уже больше не воспринимала. И тут же вспомнилось ее ночное пробуждение. Не зря так сильно колотилось сердце, а она-то думала, что это от духоты или кошмар приснился. И еще злилась на Ларису и завидовала, что у той случилось легкое приключение под конец отпуска. Ничего себе приключение, развлекалась напоследок!

– Но что, что она делала там ночью? – пролепетала Марина.

– Это было не ночью, – нехотя сообщил полицейский, – врач говорит, что смерть могла наступить от восьми до десяти часов вечера...

– У вас же спокойная страна! – с ненавистью сказала Марина и посмотрела в глаза старшему полицейскому, что был в кипе. – У вас уровень преступности – ниже плинтуса, у вас можно сумку оставить на скамейке и уйти на полдня, и она там лежать будет!

Кажется, он понял, потому что отвел глаза. Потом они собрали вещи Ларисы и ушли.

– Собирайтесь, Марина. – Алла нарушила затянувшееся молчание. – Самолет ждать не будет.

– Неужели мы улетим? – вскинулась Марина. – А как же... она?

– Этим займутся соответствующие органы, – вздохнула Алла, – у нас же билеты, и номера надо освободить...

Марина смогла опомниться только в самолете, до этого она действовала как в тумане. Слава богу, Ольга Васильевна взяла ее под свою опеку, помогла собрать чемодан и проследила, чтобы Марина ничего не оставила в номере.

«Вот так отдохнули... – думала Марина. – Наверное, если бы я пошла с ней, то ничего бы не случилось, на двоих не стали бы нападать. Или убили бы и меня тоже...»

Она поежилась, хотя в салоне самолета было тепло, и ощутила вдруг острую жалость. Какая ужасная смерть! А Лариса была такая славная, им было так легко вместе, как будто сто лет знакомы. И что значат теперь перед лицом такого несчастья все Маринины неприятности?!

Она вспомнила их с Ларисой последний разговор, когда они сидели в кафе на берегу моря и ветер приносил с пляжа желтые песчинки. И еще кольцо, Лариса же отдала ей кольцо...

Кольцо никуда не делось, оно сидело на безымянном пальце левой руки, как будто всегда там было. Не давило и не натирало, Марина его просто не чувствовала. Сейчас она сняла кольцо и рассмотрела его поближе. Ей показалось, что кольцо не такое темное, каким нашли они его вчера в крошечной лавчонке на блошином рынке. Теперь было видно, что кольцо не серебряное. Но и не золотое, золото не темнеет и не окисляется. Скорей всего, какой-то сплав. Рисунок на кольце напоминал струящийся поток воды. Казалось, что вода течет с силой, это может быть горная речка или ручей после грозы.

«Пристегните ремни!» – зажглась надпись.

Марина надела кольцо и закрыла глаза. Самолет заходил на посадку. Внизу сверкали огнями Петербург.

Царь Ирод удалился в свою опочивальню, но никак не мог успокоиться. Криул, его доверенный слуга, привел было к Ироду новую наложницу, юную аравитянку, но тетрарх бросил на смуглую деву равнодушный взгляд и отослал ее к солдатам караула.

Он попытался заснуть, но сон все не шел.

Тогда он поднялся с ложа, хлопнул в ладоши.

Криул безмолвно возник на пороге.

– Принеси мне уличный хитон, темный плащ и позови Фануила! – приказал тетрарх.

Прислужник молча кивнул и удалился, всем своим видом выражая сомнение: он на дух не выносил Фануила.

Прошло совсем немного времени, и Криул вернулся с одеждой, помог тетрарху облачиться в нее.

Ирод вышел из своих покоев.

Тут же от стены отделилась темная фигура, и он едва узнал в ней Фануила.

Так же как тетрарх, старик облачился в темный плащ, край которого накинул на голову. К поясу его был прикреплен тяжелый тесак в простых кожаных ножнах.

– Я хочу, чтобы ты отвел меня к тому человеку, о котором говорил на пиру! – сказал Ирод как можно спокойнее, как будто его сердце не колотилось в груди, как птица в клетке.

Фануил кивнул, как будто ничуть не сомневался в намерениях тетрарха. Однако, увидев за спиной Ирода телохранителя, старик вполголоса проговорил:

– Мы должны пойти туда вдвоем. Только ты, государь, и я. Никакой охраны.

– Вокруг много врагов, – возразил Ирод.

– Я буду твоей защитой. – Фануил коснулся тесака. – А еще лучшей защитой будет ночь.

– Ты стар, – в голосе Ирода звучало недоверие.

– Стар – не значит немогущ! – ответил Фануил. – Мне приходилось сражаться с сильными противниками. Мне довелось даже выступить гладиатором в Риме...

– Вот как!.. – Тетрарх с интересом взглянул на старика. – Ты полон сюрпризов, старик! Что ж, так и быть, я доверю тебе свою жизнь! – Он махнул рукой телохранителю, и перс, всем своим видом выразив недоверие к Фануилу, удалился.

– Пойдем! – Старик запахнул плащ, зажег факел и нырнул в темный проем.

Ирод последовал за ним.

Сперва они прошли благоухающим дворцовым садом, знакомыми дорожками, по которым не так давно тетрарх прогуливался с Иродиадой.

В небе сияла полная луна, и сад был залит ее призрачным светом, так что факел в руке Фануила казался излишним. Воздух был напоен ароматом цветов, журчанием фонтанов и птичьим пением.

Старик пересек сад и подошел к маленькой, незаметной калитке, скрытой за густыми зарослями гибискуса. Он толкнул дубовую дверь и шагнул вперед.

– Как просто, оказывается, попасть ко мне во дворец! – недовольно проворчал тетрарх. Словно в ответ на его слова, из темноты возник рослый темнокожий воин в короткой тунике и круглом медном шлеме, с луком за спиной и копьем в руках.

– Кто идет? – спросил он хрипло.

– Свои! Пароль – Тиберий! – негромко ответил Фануил.

Воин почтительно вытянулся, приветствуя тетрарха, отступил в сторону.

– Теперь хорошенько смотри под ноги, государь! – бросил старик через плечо.

Действительно, сразу от стены дворцового сада тропинка побежала круто вниз, под гору. На ней то и дело попадались корни сикомор и большие камни, так что Ирод пару раз едва не упал. Фануил двигался по тропинке очень ловко, опираясь на крепкий кедровый посох.

Они спускались недолгое время, затем Фануил остановился, взглядываясь в темноту, словно что-то искал. Он даже повел носом, принюхиваясь, как охотничья собака.

Наконец, узнав какую-то примету, раздвинул колючие кусты и пошел в сторону от тропинки.

Тетрарх старался не отставать, однако с каждой минутой все больше жалел, что послушался старика.

Пройдя густой кустарник, спутники вышли на пологий глинистый склон, ярко залитый лунным светом. Слева от их пути виднелась нищая глинобитная хижина, на пороге ее спала тощая собака. Почувяв путников, собака подняла голову и залаяла. Издалека, из-за приземистых холмов, ей ответило резкое тявканье шакала.

Фануил миновал хижину. Теперь он шел вверх по холму, направляясь к купе темных деревьев.

– Куда мы идем, старик? – окликнул Ирод своего провожатого. – Мы не заблудимся? Я не знаю этих мест!

– Не бойся, царь! – ответил Фануил без прежнего почтения, и в темноте насмешливо блеснули белки его глаз. – Не бойся, мы найдем дорогу! Мне случалось здесь бывать, и не раз!..

Ирод все больше жалел, что связался в эту авантюру.

Они поднялись на холм. Отсюда были хорошо видны близкие предгорья. Вдалеке, между двумя холмами, горел пастушеский костер. Но Фануил направился не к этому костру, а к одинокой скале, расположенной на полпути к лесу.

Они шли по каменной осыпи, и теперь Ирод старался не отставать, чтобы факел Фануила освещал дорогу у него под ногами.

Приближаясь к скале, старик замедлил шаги. Он повернулся к тетрарху и проговорил со странным волнением в голосе:

– Мы почти пришли, государь. Сейчас ты увидишь его. Но имей в виду – этот человек не из числа твоих подданных...

– Он римлянин? – уточнил Ирод.

– Нет. – Старик криво усмехнулся. – Он также и не из числа подданных императора Тиберия...

– Ты говоришь глупость, старик! – раздраженно произнес тетрарх. – Ты говоришь опасную и вредную глупость! Здесь, на этой земле, нет никого, кто бы не был подданным императора Тиберия. Твое счастье, старик, что эти слова не слышал никто, кроме меня!

– А вот та птица – тоже подданная императора? – Фануил поднял руку, показав на большую ночную птицу, которая пролетела над ними, на мгновение закрыв луну. – А шакал, который лает за горой, преследуя добычу, – он подданный императора?

– Что ты болтаешь... – Ирод поморщился. – Ты сам не знаешь, что говоришь... Конечно, птицы и звери не являются ничьими подданными... Ты еще скажи про кусты и деревья...

– Так и тот человек, к которому мы сейчас идем, не является подданным ни одного из земных владык, как птица или зверь, как дерево или цветок, как солнце или луна! Он – подданный одного только вечного владыки...

– А, так он один из этих грязных и оборванных пророков! – разочарованно протянул тетрарх. – Стоило ли ради него совершать такой долгий путь, да еще ночью! Подобные пророки целый день осаждают мой дворец со своими безумными речами!

– Нет, он не пророк... – загадочно ответил Фануил и подошел еще ближе к скале.

Он протянул вперед свой посох и коснулся скалы. Но в том месте, которого он коснулся, оказался не камень, а полог из козьей шкуры, закрывавший узкое устье пещеры. Фануил посохом отодвинул край этого полога, и тетрарх увидел вход в пещеру и тлеющий в глубине ее тусклый огонь.

– Позволь нам войти в твое жилище, мудрый человек! – проговорил старик с незнакомым волнением в голосе.

– Разве я могу запрещать и позволять? – донесся из глубины пещеры тихий, шуршащий, как осенняя листва, голос. – Только в руках Всевышнего запрет и дозволение! Конечно, ты, Ирод Антипа, тетрарх Галилеи и Перее, сын Ирода Великого, полагаешь, что запрет и дозволение в руках царей. А заблуждаться – человеческая привычка, старая, как мир... Впрочем, входите! Принять гостей, идущих в ночи, – мой долг!

Фануил, явно робея, вошел внутрь пещеры и сделал Ироду знак следовать за собой.

Тетрарх вошел в пещеру и огляделся.

Пещера была невелика, может быть, менее четверти опочивальни Ирода. Просторное ложе тетрарха никак не поместилось бы здесь.

В глубине пещеры теплился костер. Дым от него уходил вверх через узкую расщелину в скале, и воздух в пещере был довольно чистым.

Над костром в медном котелке булькало какое-то густое варево неприятного зеленоватого цвета, рядом сушились травы, распространяя резкий пряный запах.

Сам обитатель пещеры сидел возле костра на козьей шкуре, скрестив ноги и сложив руки на коленях. Он был облачен в поношенный хитон с узкой красной полосой на воротах и кожаные сандалии. Густые всклокоченные волосы едва тронула седина, хотя запрокинутое лицо его казалось удивительно старым. Глаза незнакомца были широко открыты, но незрячи: их покрывала мутная слепая белизна, в которой отражалось пляшущее пламя костра.

«Как же он узнал, кто я? – подумал Ирод, разглядев незрячие глаза хозяина. – Впрочем, должно быть, Фануил предупредил его о моем приходе...»

– Нет, никто меня не предупреждал, – ответил слепец, как будто тетрарх произнес свои слова вслух. – Просто я столь давно не вижу земными очами, что научился видеть внутренним взором...

Тетрарх растерянно молчал. То, как легко слепой незнакомец проник в его мысли, напугало и потрясло его.

Человек с такими способностями чрезвычайно опасен: он может прочесть любые мысли, в том числе такие, за которые римляне лишат не только власти, но и головы...

С другой стороны, если привлечь его на свою сторону, можно извлечь из его умения немалую пользу: слепец поможет тетрарху проникнуть в тайные замыслы его врагов...

– Нет, – проговорил слепой и подбросил в костер какую-то корягу.

– Что?! – удивленно переспросил Ирод.

– Нет, я не стану читать мысли твоих врагов, как не стану и выдавать твои тайные мысли римскому наместнику. Мне безразлична земная власть, надо мной есть власть высшая и единственная...

– Что я тебе говорил, властитель! – зашептал Фануил, жарко сверкая белками глаз в полутьме пещеры. – Этот человек – не из числа подданных земных владык!

– Если так, мудрый человек... если земные дела тебя не интересуют... – Ирод говорил медленно, тщательно подбирая слова. – Если ты удалился от мира – тогда не знаю, для чего мы сюда пришли. Вряд ли ты захочешь помогать нам... помогать мне. Пожалуй, лучше мне вернуться обратно, к себе во дворец...

– Постой, государь! – засуетился Фануил. – Не спеши с решением! Мудрый слепец сам хотел увидеть тебя...

– Да, это правда! – прозвучал шелестящий, негромкий голос слепого. – Я просил Фануила привести тебя.

Он замолчал, как будто к чему-то прислушиваясь, но затем продолжил:

– Я позвал тебя, тетрарх, потому что тебя не радуют кушанья и напитки, не радуют танцовщицы и наложницы, не радуется власть над подданными. Ты чувствуешь краткость и тщету всего этого и жаждешь радости большей, власти высшей. Я могу дать тебе такую власть, тетрарх. Власть большую и беспримерную. Власть над жизнью и смертью, власть над вечными стихиями, власть над самим временем... я могу вручить тебе древние кольца, выкованные в самом начале мира людьми, более могущественными, чем все ныне живущие. Эти кольца даруют своему владельцу высшую власть...

– Почему же ты хочешь от них отказаться, старец? – спросил тетрарх подозрительно.

– Потому что пришло мое время. Я слишком долго владел ими, слишком долго их хранил. Я устал, тетрарх, я мечтаю снять с себя этот груз и отдохнуть... уснуть вечным, беспробудным сном!

– Если ты не лжешь, старик, то я готов! – воскликнул Ирод, и глаза его жадно вспыхнули. – Где твои кольца?!

– Постой, тетрарх! – слепец поднял руку. – Всякая власть в то же время есть рабство. Чем больше власть – тем больше рабство, ты это хорошо знаешь...

– Это так, – проговорил Ирод мрачно. – Я владыка над своими подданными, но раб римского императора... но сам-то император властен над всеми!

– Это только со стороны так кажется! Император – тоже раб: раб сената и знати, раб законов и римского народа.

– К чему ты это говоришь, старик?

– Я говорю это к тому, чтобы ты понял: приняв из моих рук кольца вечности, кольца великой власти, ты станешь не только повелителем этих колец, но и их рабом. Ты должен будешь делать только то, что прикажут тебе эти кольца...

– Там посмотрим! – отмахнулся Ирод, и в голосе его зазвучало нетерпение. – Где твои кольца?

Слепец повернулся, коснулся расщелины в скале, и в руках его оказался темный ларец из дорогого ливанского дерева, окованного широкими медными полосками. Старик поставил ларец перед собой на землю, провел рукой по его крышке.

Крышка откинулась, и тетрарх увидел три кольца, покоящиеся на черной, как ночь, ткани.

– Они даже не золотые... – проговорил он разочарованно.

Действительно, кольца были не из золота и не из серебра, а из какого-то незнакомого тускло сияющего металла. Одно из них имело форму свернувшегося зверька, то ли ласки, то ли горностая. Другое – форму веточки колючего кустарника, третье же, самое удивительное, казалось не выкованным из металла, а отлитым из живой, вечно льющейся, вечно струящейся воды, нигде не находящей покоя...

– Верно, они не золотые! – прошелестел старец. – Но они дороже, чем все золото и серебро мира! Дороже драгоценных камней и сказочных благовоний...

И Ирод Антипа, тетрарх Галилеи, властитель Перее, почувствовал исходящую от этих колец власть, древнюю силу, почувствовал неумное, непобедимое желание завладеть ими.

– Дай! Дай их мне, старец! – взмолился он, протянув руки к открытому ларцу.

Слепец словно чего-то ожидал – но ничего не происходило. Кольца по-прежнему лежали на черной ткани.

Тогда слепец снова заговорил своим шелестящим, словно угаасающим голосом:

– Я дам тебе эти кольца, тетрарх, но только сперва ты должен ради заключенной в них высшей власти отказаться от своей земной власти. Должен отказаться от всех своих дворцов и имений, от лесты придворных и раболепства подданных. Должен отказаться от пиров и развлечений, от тонких кушаний и хмельных напитков, от прекрасных наложниц и стройных танцовщиц... ты должен отказаться от всего, что тебя сейчас окружает, уйти в пустыню и сделаться отшельником, как я...

– Вот оно что! – проговорил тетрарх с угрозой. – Вот ради чего все это было задумано! Признайся, старик... нет, ты признайся! – Он повернулся к молчаливо застывшему у него за спиной Фануилу. – Признайся, кто тебя подкупил – Иродиада? Или он... мой вечный враг, мой сводный брат Агриппа?

– Что ты, повелитель! – испуганно воскликнул Фануил. – У меня и в мыслях не было подобного! Ты просил, чтобы я отвел тебя к этому человеку, и я исполнил твое желание!

– Ты сам внушил мне это желание! Ты влил его в мои уши по капле, как яд! Ты убедил меня отправиться к этому старому безумцу, потому что надеялся таким образом отнять у меня мою корону! Так кто же из них тебя подкупил? Иродиада или Агриппа?

– Клянусь тебе, повелитель, никто! – Фануил побледнел и упал на колени. – Я верен тебе, только тебе!

– Ну ладно, можешь молчать! Вавилонец в подземельях моего дворца заставит тебя заговорить!

Фануил, и до того бледный от страха, буквально позеленел – он знал страшного палача Ирода, вавилонского пленника с огромными волосатыми руками и длинной бородой, знал, как безжалостно тот умеет пытать врагов тетрарха...

– А сейчас... – проговорил Ирод, выпрямляясь. – К счастью, я подозревал измену и принял свои меры!

Он шагнул ко входу пещеры и крикнул:

– Стража!

Тотчас из темноты возникли солдаты придворной гвардии тетрарха – рослые темно-кожие нумидийцы, стройные поджарые египтяне. Они ворвались в пещеру и застыли, ожидая приказания.

– Взять этих! – Тетрарх показал на трясущегося Фануила и спокойного, безмятежного слепца.

В этот момент его кольнула странная тоска.

Он подумал, что, должно быть, совершает ошибку, страшную, непоправимую ошибку. Для чего ему целый отряд стражи – только для того, чтобы схватить и отвести в подземелье дворца двух слабых, беспомощных людей, один из которых – дряхлый слепец?

Но он ждал большей опасности, серьезного сопротивления, потому и подстраховался...

Наклонившись, он поднял шкатулку с кольцами.

– Позволь, повелитель, я помогу тебе! – шагнул к тетрарху начальник стражи.

Ирод отшатнулся от него, взглянул с подозрением и ненавистью – и египтянин, не задавая никаких вопросов, смешался со своими смуглыми солдатами.

Тетрарх прижимал к себе ларец с кольцами и чувствовал, как сквозь дерево и металл в него переливается заключенная в них древняя сила и власть.

Слепого старца почти несли двое нумидийцев – ноги ему уже не служили. Проплывая мимо Ирода, он повернулся к нему безмятежным лицом и проговорил все тем же шелестящим, угаасающим голосом:

–Прощай, Ирод Антипа! Ты сделал свой выбор, и тебе не раз придется о нем пожалеть!

Дмитрий Алексеевич закрыл за собой дверь собственного подъезда и привычно расстроился. Их дом – старый, позапрошлого века, с резными балконами, эркерами и фигуристыми кариатидами, поддерживающими карниз, – был опутан лесами, как паутиной, и выглядел отвратительно. Потому что продолжалось это безобразие уже почти полгода, и конца ему не предвиделось.

Еще прошлым летом в соответствии с приказом губернатора о том, что нужно обновлять фасады старых домов, дом покрыли лесами. Леса устанавливали смуглые и говорливые мужчины, ни слова не понимающие по-русски. Распоряжался ими солидный прораб, которого они тоже не понимали, так что у Старыгина, да и у всех жильцов, в голове теснились смутные опасения насчет правильности и прочности конструкций. Краску со стен кое-где содрали, стыки замазали какой-то бурой субстанцией, а потом всю компанию во главе с прорабом неожиданно перебросили на другой объект. А потом так же неожиданно пришла осень, за ней, как водится, зима – только по календарю, то есть не было снега и катков, а была сырость и ледяной дождь каждый день.

Леса ржавели в полном запустении, бурая субстанция отсырела и текла по окнам, куски штукатурки шлепались на подоконники, у одной из кариатид отбили нос, вдобавок ко всему, пока устанавливали леса, разворотили асфальт внизу, и теперь возле подъезда Старыгина разливалась огромная лужа – в нее стекала вода со всего квартала.

Дмитрий Алексеевич жил в своей двухкомнатной квартире в обществе кота Василия, и если хозяин еще мог как-то примириться с существующим положением вещей, то кота такое положение никак не устраивало. Потому что теперь Старыгин тщательно закрывал все форточки и даже запирали их на старинные шпингалеты.

Когда все еще только начиналось, Дмитрий Алексеевич как раз работал дома над книгой о новых тенденциях в реставрации. И выдержал целое нашествие через окно.

Смуглые гастарбайтеры вежливо стучали и просили то соли, то воды, то бинтов, то йода, то старых газет, то тряпок. Кот Василий, наблюдая за людьми, которые ходят за окном, сделал соответствующие выводы и однажды был застигнут хозяином за выходом в свет.

Как-то утром Дмитрий Алексеевич совершенно случайно выглянул в окно и увидел рыжую разбойничью морду, прижавшуюся к стеклу со стороны улицы.

Дмитрий Алексеевич схватился за сердце, потому что раньше кот никогда не стремился наружу – этаж у них был шестой, умный и осторожный котяра боялся свалиться с карниза. Может быть, и хотелось ему прогуляться, особенно ранней весной, но кот считал, что везде хорошо, где нас нет, а его и здесь, у Старыгина, неплохо кормят.

Теперь же можно было совершить увлекательное путешествие по строительным лесам на крышу, побывать в соседних квартирах и при надлежащей удаче поймать нахального и ленивого голубя, который много лет отравлял коту существование, восседая на голове ближайшей к окну кариатиды. В общем, голубь нарывался на неприятности, и кот решил, что настал его час.

Увидев хозяина, в немой тревоге рвущего на себе волосы, кот довольно ухмыльнулся и неторопливо пошел по лесам в одном ему известном направлении. Старыгин, как был, в домашних тапочках и с одной намыленной щекой, ринулся за ним в раскрытое окно.

Кот ушел недалеко – все же он был зрелого возраста, толстый и домашний. Дмитрий Алексеевич поймал его через три окна. Кот-то не пострадал, зато хозяин потерял тапочку, едва не получил по голове мешком цемента и еще напугал до полусмерти соседку, возникнув за окном, как маньяк из голливудского фильма ужасов.

С тех пор Дмитрий Алексеевич запирали все форточки, и кот лишился свежего воздуха, да и нахальный голубь больше не сидел на голове у кариатиды, возможно, его эстетическое чувство не принимало ее отбитый нос.

Дмитрий Алексеевич с разбегу удачно перепрыгнул лужу и оглянулся на свои окна, чтобы помахать коту на прощание. Но Василий теперь не любил сидеть на подоконнике, к тому же он дулся на хозяина за то, что тот ходит на какую-то службу и оставляет несчастного питомца одного в пустой квартире.

Дмитрий Алексеевич Старыгин вошел через служебный вход Эрмитажа, кивнул знакомому охраннику и быстро зашагал по широкой лестнице к себе на третий этаж.

Открыв дверь своей лаборатории, включил свет, повесил на вешалку плащ, пиджак. Надел рабочую куртку – старую, удобную, перепачканную красками и растворителями.

Только после этого подошел к столу, на котором его ждала новая работа – картина неизвестного немецкого художника, предположительно середины семнадцатого века.

Картину нашли в запасниках музея во время последней инвентаризации. Холст простоял за шкафом по меньшей мере лет сорок, о нем совершенно забыли. В описи музея он значился под шестизначным номером, с короткой пометкой:

«Х. М., неиз. нем. шк. Гадание».

То есть холст, масло, неизвестный художник, немецкая школа, «Гадание».

Впрочем, и без этой подсказки название картины можно было определить: на ней был изображен элегантный молодой кавалер в богатом, расшитом золотом кафтане с кружевным воротником и широкополой шляпе, которому гадала по руке смуглая пожилая женщина в пестрой изорванной одежде.

Впрочем, все это Дмитрий Алексеевич не столько видел, сколько домысливал, как опытный реставратор. Картина была в очень плохом состоянии. Какие-то ее части совершенно выцвели, какие-то покрывал толстый слой копоти. Красочный слой растрескался, кое-где и вовсе осыпался. Лицо кавалера просматривалось довольно хорошо сквозь грязь и копоть, некоторые части кафтана вполне можно было разглядеть, другие домыслить, левая рука, которой завладела гадалка, сохранилась довольно хорошо, но вот правая рука, которая опиралась на эфес шпаги, едва проступала на выцветшем холсте.

Зато видно было выражение алчности на лице гадалки. Одним глазом она смотрела на руку кавалера, другим косилась на большой кожаный кошель, что висел у мужчины на поясе. Кошель был туго набит, и гадалке явно хотелось заполучить из него побольше.

Дмитрий Алексеевич потер руки: ему не терпелось приступить к работе.

Он любил свою работу и считал ее очень важной: возвращать человечеству пострадавшие от времени и скверного обращения бесценные холсты старых мастеров – что может быть важнее, что может быть благороднее этого?

Старыгин был реставратором, что называется, от Бога, ему многое удавалось, о его удивительной интуиции в узких специализированных кругах ходили легенды. Он мог угадать работу настоящего мастера по одному фрагменту картины – просто чувствовал, что под руками у него шедевр.

Через руки Дмитрия Алексеевича прошли работы многих выдающихся живописцев. В основном он специализировался на итальянском Возрождении, но на этот раз ему досталась картина неизвестного немецкого живописца.

Хотя автор этого холста и числился в описи как неизвестный художник, но в тщательно продуманной композиции, в выразительных и ярких жестах изображенных на нем людей чувствовалось настоящее мастерство, и Старыгин понимал, что после реставрации картина займет достойное место в музее.

Первым делом следует снять с картины старый лак, очистить ее от многолетних наслоений грязи и копоти. После этого надо тщательно изучить холст в рентгеновских и ультрафиолетовых лучах, восстановить утраченные фрагменты, внимательно посмотреть, не проявится

ли постороннее вмешательство. А потом начнется самое трудное – придется самостоятельно дописать несколько особенно сильно пострадавших частей холста.

Особенно трудно будет работать над правой рукой кавалера, потому что она почти не сохранилась. Придется написать ее заново, максимально приблизив к стилю автора и к его замыслу.

Старыгин поднял картину, поднес к свету и внимательно вгляделся в руку кавалера.

Никаких сомнений: на его пальцах надеты три перстня. Какие странные перстни! Прежде Старыгину не встречалось ничего подобного. Кажется, один из них выполнен в виде гибкого маленького зверька, то ли горноста, то ли ящерицы, обернувшейся вокруг пальца, второй – в форме крошечной ветки какого-то кустарника, а третий... просматривалась только часть его, странно переливающаяся, как струя воды.

Совершенно необычные перстни для семнадцатого века! Придется немало потрудиться, чтобы восстановить их внешний вид таким, какой задумал автор...

Старыгин бросил еще один взгляд на картину.

В правом нижнем углу, там, где пестрели юбки гадалки, ему померещилось что-то похожее на буквы. Он вооружился лупой, склонился над холстом, вгляделся... да, пожалуй, это не случайный узор, а три буквы латинского алфавита – В, F и M.

Вот это интересно! Очень интересно! Неизвестный художник немецкой школы может обрести имя. Нужно будет порыться в каталогах живописи того времени, в биографиях живописцев и поискать, кто из художников мог подписаться этими тремя буквами. Если ему удастся установить автора – это будет настоящее открытие! О нем напишут все профессиональные издания!

Ну что ж, главное, не спешить, действовать планомерно и продуманно...

Старыгин вооружился скальпелем и начал понемногу очищать особенно загрязненные участки холста. Потом нужно будет подобрать подходящий растворитель и стирать старый, потрескавшийся лак. Это займет очень много времени, работа реставратора вообще очень трудоемкая и долгая, зато результат часто полностью оправдывает затраченные силы и время.

Окунаешь тампон в растворитель и проводишь по маленькому фрагменту картины. Касания должны быть легкими, как крыло бабочки. Потом следующий тампон – и их может быть сколько угодно, хоть сто, хоть двести. За несколько часов можно очистить от лака всего несколько квадратных сантиметров картины. По интенсивности получается примерно то же самое, что пытаться вымести Дворцовую площадь ершиком для мытья бутылок.

За работой время шло совершенно незаметно, и Дмитрий Алексеевич удивился, когда взглянул на часы: была уже половина третьего, а в три часа он обещал зайти к коллеге в отдел прикладного искусства Древнего Востока.

Старыгин убрал картину в специальный шкаф, тщательно отмыл руки, переоделся и отправился в путь по залам музея.

Через двадцать минут он тихонько постучал в кабинет Валентина Сорокина.

– Заходи! – послышался из-за двери какой-то приглушенный голос.

Старыгин толкнул дверь и вошел.

Кабинет Сорокина ничуть не напоминал его собственный – все свободные места занимали старинные кувшины и вазы, яркие керамические чаши, персидские миниатюры, кривые сабли и богато инкрустированные кинжалы. Сам хозяин кабинета стоял на стремянке и что-то доставал со шкафа.

– Ну, что ты мне хотел показать? – спросил Старыгин, едва переступив порог комнаты.

– Сейчас... секундочку... вот он где... – Сорокин взял со шкафа медный кувшин, позеленевший от времени, и спустился.

Поставив кувшин на стол и смахнув с него пыль, он повернулся к Старыгину:

– Привет, Дима, спасибо, что зашел. Тут мне попался интересный шлем, но я не могу разобраться в его происхождении. Надпись на каком-то незнакомом языке...

– Ну, уж восточные языки ты знаешь явно лучше меня. Это же твоя специальность...

– В том-то и дело, что язык не восточный, хотя шлем найден в захоронении неподалеку от Самарканда. Может, ты разберешься, что за язык...

Сорокин нырнул под стол и извлек оттуда красивый старинный шлем с заостренным навершием и свисающей позади кольчужной сеткой. Шлем был украшен сложным чеканным узором, в котором просматривались стилизованные буквы.

– Вот, видишь эту надпись? Это точно не арабские буквы и не персидские. Точно не согдийское письмо. Кажется, похоже на латиницу, но очень необычное написание, кроме того, совершенно непохоже на основные европейские языки...

– Ну-ка, покажи! – Старыгин осторожно взял в руки шлем и невольно залюбовался его совершенной формой.

– Красивая вещь! А надпись... да, это латиница. А на каком языке... ну да, все ясно: это каталонский!

– Какой? – переспросил Сорокин.

– Каталонский язык, на котором в Средние века говорило население современной Каталонии, части Южной Франции и Балеарских островов – Мальорки, Минорки, Ибицы...

– Надо же! И что здесь написано?

– Обычная надпись для доспехов – «Боже, храни моего владельца от вражеской стрелы и меча». Такие надписи считались очень действенными. Надо сказать, они действительно защищали владельца от опасности в бою, особенно если их делали на доспехах из отличной стали. А оружейники средневековой Каталонии славились качеством доспехов, их изделия покупали во всем мире...

– Надо же, как интересно! – оживился Валентин. – Каталонский шлем под Самаркандом! Нужно будет проследить торговые пути, по которым он попал в эти места!

– Вполне реально, – кивнул Старыгин. – Каталонцы и испанцы воевали с арабами, а те же арабы вполне могли добираться до Средней Азии... а это у тебя что такое?

На столе, среди старинных ваз и фарфоровых курительниц, инкрустированных шкатулок и кинжалов в драгоценных ножнах, стояла большая медная чаша, наполненная серебряными кольцами и бронзовыми накладками, коваными застежками и оберегами, талисманами и украшениями – в общем, мелкими металлическими безделушками восточного происхождения.

– А, это – моя головная боль! – вздохнул Сорокин. – Начальство требует, чтобы я разобрал все скопившиеся в отделе мелочи, каждую единицу хранения описал, взвесил, сфотографировал и составил соответствующую опись. Ты представляешь, сколько времени на это понадобится? У меня только вот этих металлических предметов не меньше тысячи единиц!

– Да, это на полгода работы! – искренне посочувствовал коллеге Старыгин.

– Это в лучшем случае!

– Ну, я пойду, пожалуй, мне еще в отдел экспертиз заглянуть нужно, – протянул Старыгин, – там какая-то путаница в отчете...

– Угу. – Сорокин поставил шлем на стол, повернул лампу, чтобы давала больше света, и углубился в изучение надписи на шлеме, не обращая больше внимания на своего приятеля.

– Каталонский... – бормотал он озадаченно, – ну надо же... кто бы мог подумать...

Старыгин по себе знал, как досадно, когда отрывают от любимого дела и мешают работать, поэтому он не обиделся и направился к двери. В это время дверь кабинета Сорокина распахнулась, как будто ее толкнули ногой, Старыгин едва успел отскочить.

За дверью стояла пальма. Или не пальма, но какое-то большое растение самого экзотического вида. Там был длинный ствол, который заканчивался наверху пучком острых жестких

листьев, а рядом еще один ствол, поменьше, и тоже пучок наверху, а снизу совсем маленький пучочек торчал прямо из земли.

– Валентин! – строго сказала растение удивительно знакомым голосом. – Ты должен взять его к себе хотя бы на месяц!

– Кого взять? – удивился Старыгин, подходя ближе.

Из-за листьев высунулось лицо его старинной знакомой Татьяны из отдела рукописей, она держала растение на весу и очень утомилась.

– Ты чего такие тяжести таскаешь? – Старыгин принял у нее горшок. – Больше некому?

– Ой, Дима! – Некрасивое, безвременно увядшее лицо Татьяны осветилось улыбкой, она очень ему симпатизировала, и Дмитрий Алексеевич слегка пользовался этим, когда нужно было срочно найти что-нибудь в отделе рукописей.

– Я уйду в отпуск, – объявила Татьяна, – надо наконец закончить монографию. Валентин, ты должен взять ее к себе, иначе она просто зачахнет без меня!

– Кого еще взять... – заворчал Сорокин, не отрываясь от шлема, – не могу никого взять, штаты не я утверждаю...

– Я говорю о юкке! – Татьяна повысила голос и любовно коснулась горшка с растением. – Пускай она постоит у тебя, пока меня не будет. Ты будешь поливать ее раз в неделю...

– Что? – Сорокин наконец оторвался от своего шлема. – Татьяна, да что ты мне подсовываешь? Какая еще юкка? Мне и так деться некуда, а она полкабинета займет!

– Никто не хочет... – грустно сказала Татьяна, – а мне ее так жалко, ведь пропадет...

– Не расстраивайся, дорогая... – Старыгин вспомнил, как много раз Татьяна ему помогала, и решил, что должен вмешаться, – я готов взять твою юкку к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.